

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Кафедра уголовного права и криминологии

Специальность 40.05.02 Правоохранительная деятельность
Специализация № 1 «Оперативно-розыскная деятельность»
Узкая специальность «Деятельность подразделений по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ органов внутренних дел»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
по теме:
**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИГОТОВЛЕНИЕ К
ПРЕСТУПЛЕНИЮ**

Выполнил:
слушатель группы П 1401
младший лейтенант полиции
Буз Адам Александрович

Решение о допуске к защите:

Допускается к защите
Начальник кафедры уголовного
права и криминологии
полковник полиции
С.М. Мальков
«30» апреля 2019 г.

Руководитель:
Доцент кафедры
уголовного права и криминологии
кандидат юридических наук, доцент
Грамматчиков Михаил Владимирович

(подпись) (инициалы, фамилия)

Дата защиты:

«17» июня 2019 г.

Оценка: хорошо

Председатель ГЭК
Павловский Владимир
(специальное звание)

(подпись)

В.В. Скиба
(инициалы, фамилия)

Красноярск 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Социальная обусловленность уголовной ответственности за приготовление к преступлению	6
§ 1. История развития российского законодательства о приготовлении к преступлению.....	6
§ 2. Зарубежное законодательство об уголовной ответственности за приготовление к преступлению	19
Глава 2. Уголовно-правовая характеристика приготовления к преступлению.....	26
§ 1. Понятие, признаки и уголовно правовое значение приготовления к преступлению.....	26
§ 2. Виды и формы приготовления к преступлению.....	39
Глава 3. Особенности уголовной ответственности за приготовление к преступлению.....	52
§ 1. Разграничение приготовления к преступлению и покушения на преступление.....	52
§ 2. Особенности назначения наказания за приготовление к преступлению.....	57
Заключение	64
Библиографический список.....	70

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования вопросов уголовно-правовой квалификации приготовления к преступлению определяется тем, что преступление, которое не доведено до конца, с одной стороны, свидетельствует о безусловном наличии общественной опасности лица, его совершившего, с другой стороны, оно не содержит в себе признаки всего полного состава преступления, за который назначается уголовная ответственность. В разных странах по-разному подходят к уголовному наказанию за неоконченные преступления - в некоторых странах выделяются различные стадии неоконченного преступления, в некоторых – оно квалифицируется просто как неоконченное и ответственность наступает в зависимости от содержания признаков объективной стороны. Таким образом, неоконченное преступление в целом уже составляет собой проблему уголовного права, а такая ранняя его стадия, как приготовление к преступлению – тем более проблематична с позиции квалификации и наказуемости.

Следует отметить, что проблема противоречивых взглядов относительно сущности неоконченной преступной деятельности не находит своего решения. Так, одни ученые считают приготовление этапом совершения преступления либо стадией развития преступной деятельности, другие относят приготовление к видам неоконченной деятельности, третьи отождествляют стадии преступлений с видами неоконченных преступлений.

В результате анализа норм о приготовлении отечественного и зарубежного уголовного законодательства, монографических исследований, учебной литературы, научных статей и практики применения норм о приготовлении к преступлению можно сделать вывод о недостаточной разработанности данной проблемы, несмотря на ее много вековую историю.

В настоящей работе поставлена цель исследования вопросов уголовной ответственности за приготовление к преступлению. В соответствии с поставленной целью в работе были выделены следующие задачи:

- рассмотреть историю развития уголовной ответственности за приготовление к преступлению;
- изучить особенности уголовной ответственности за приготовление к преступлению по законодательству зарубежных государств;
- определить понятие, признаки и уголовно правовое значение приготовления к преступлению по современному отечественному уголовному закону;
- рассмотреть формы приготовления к преступлению;
- провести разграничение приготовления к преступлению и покушения на преступление;
- выявить особенности назначения наказания за приготовление к преступлению.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, складывающиеся в процессе уголовно-правовой борьбы с приготовлением к преступлению.

Предметом исследования является институт приготовления к преступлению, научные взгляды на приготовление к преступлению, уголовное законодательство, регламентирующее вопросы ответственности за приготовление к преступлению, состояние и тенденции следственно-судебной практики по рассматриваемым преступлениям.

Теоретическую базу исследования составили научные монографические и публицистические труды в области уголовного права, посвященные неоконченному преступлению.

Нормативную базу исследования составили положения Уголовного кодекса РФ, нормы уголовного закона советского периода, дореволюционное уголовное законодательство; уголовное законодательство зарубежных стран.

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики Верховного Суда РФ, а также иных судов общей юрисдикции Российской Федерации.

Методологическую базу исследования составили методы анализа, синтеза, системно-структурный, исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой. Использование исторического метода обусловлено необходимостью восстановления генетических связей, существующих между усеченными формами преступных деяний, зафиксированных в правовых памятниках Древней Руси.

Системный метод анализа правовых норм регламентирует ответственность за приготовительные действия к преступлению.

Использование качественных социологических методов позволяет рассмотреть приготовление к преступлению с разных сторон, выявить ранее неизвестные науке закономерности его функционирования и определить меры по повышению его эффективности за счет совершенствования института приготовления к преступлению и ранней профилактики, направленной на предупреждение готовящихся преступлений.

Сравнительно-правовой (компаративистский) метод в сочетании с системным подходом в данном исследовании применяется в ходе анализа приготовления преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

§ 1. История развития российского законодательства о приготовлении к преступлению

Уголовная ответственность за приготовление к преступлению исторически была сформулирована в более общем виде как ответственность за неоконченное преступление, то есть дифференциация неоконченного преступления на приготовление к преступлению и покушение на преступление, как это производится в нынешнем российском уголовном законе, не производилась вплоть до советских уголовных кодексов.

Так, дореволюционное российское уголовное законодательство критерием разделения отдельных видов неоконченного преступления и наказания за неоконченное преступление предусматривалось «близость покушения к совершению» (ст. 114 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года¹). Однако, понимание неоконченного преступления все же было далеко от единообразия.

Еще в конце XIX века русский ученый Н.С. Таганцев отмечал, что «Мера наказуемости покушения и в доктрине, и в большинстве кодексов ставилась в зависимость от деления покушения на виды. Деление это было двоякое: покушение различалось или по степени близости его к окончанию – отдаленное или менее отдаленное, или по объему деятельности виновного – оконченное или неоконченное»².

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. - URL: <http://museumreforms.ru/node/13654>

² Таганцев, Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн.1. Учение о преступлении. - СПб, 1878. С. 190.

По мнению Н.С. Таганцева критерий выделения стадий неоконченного преступления по объему уже совершенной деятельности неточен, поскольку он сложно устанавливается, - не является физической величиной, а устанавливается субъективно, совокупностью признаков, - кроме этого, в любой преступной деятельности, оконченной и неоконченной, имеет место определенный объем деятельности. Но, несмотря на это, критерий объема был воспринят дореволюционной уголовной доктриной¹.

Перемены государственного устройства 1917 года повлекли за собой новое видение, в том числе, уголовно-правой защиты общества от различного рода преступных деяний. При этом концептуально советская власть пыталась максимально отойти от достижений правовой науки царской России, в том числе, и в части уголовного законодательства. Советское законодательство с пренебрежением отнеслось к наработкам ученых царской России во многих уголовно-правовых институтах, что коснулось также толкования неоконченного преступления и уголовной ответственности за него. Советское законодательство начального периода своего существования не только не выделяло этапы совершения преступления, но и какое-то время существовало даже без единого кодифицированного акта, по которому наступала уголовная ответственность, и производился уголовный процесс. Вопросы уголовного наказания решались фрагментарно, путем издания декретов, постановлений или деклараций, посвященных отдельным вопросам. В условиях такого низкого развития уголовно-правового закона такие нюансы, как теоретическая проработка этапов неоконченного преступления представлялись ненужной роскошью. Вопросы уголовной ответственности за неоконченное преступление решались казуально, применительно к конкретным ситуациям.

¹ Николаева, О.Н. Назначение наказания за неоконченное преступление // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 2. С. 89.

Например, с первых лет правления было издано обращение СНК от 05.12.1917 года «О саботаже чиновников Министерства продовольствия»¹, которое устанавливало уголовную ответственность за преступные попытки обмануть сознание широких масс в объяснении причин срыва обеспечения продовольствием трудящихся.

Далее, в Декрете СНК от 08.05.1918 года «О взяточничестве»² было предусмотрено, что «покушение на получение или дачу взятки наказывается как оконченное преступление».

Декрет СНК от 22.07.1918 года «О спекуляции»³ включал в себя нормы о том, что при покушении на спекулятивные действия наступает уголовная ответственность как за уже оконченное преступление.

В Постановлении СНК от 30.07.1918 года «О набатном звоне»⁴ были установлены положения о том, что созыв населения к контрреволюционным посягательствам набатным звоном, рассылкой гонцов и тревожными гудками, а также попытка совершения этих действий влекли за собой уголовную ответственность на одинаковых основаниях, то есть покушение на преступление и его полное оконченное совершение наказывались одинаково.

Итак, до издания первых кодифицированных уголовно-правовых актов регламентация уголовной ответственности за приготовление к преступлению не была дифференцирована от покушения на него и решалась казуальным образом, посредством установления ответственности за отдельные виды неоконченных уголовно-наказуемых деяний. Установление уголовной ответственности за неоконченное преступление было показателем особой общественной опасности этих деяний для стабильности молодого

¹ О саботаже чиновников Министерства продовольствия : Обращение СНК от 05.12.1917 года // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 47.

² О взяточничестве : Декрет СНК РСФСР от 08.05.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467.

³ О спекуляции : Декрет СНК РСФСР от 22.07.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 54. Ст. 605.

⁴ О набатном звоне : Постановление СНК от 30.07.1918 года // СУ РСФСР. 1918. № 24. Ст.415.

советского государства, в связи с чем такая ответственность предусматривалась по тем преступлениям, которые подрывали социально-экономические устои нового порядка¹.

Началом кодифицированного нормотворчества в уголовно-правовой сфере можно признать принятие Руководящих начал по уголовному праву 1919 г.² В разделе IV Руководящих начал содержались положения о стадиях преступления: в ст. 17 Руководящих начал было определено, что «Преступление считается оконченным, когда намерение совершающего преступления осуществилось до конца». В ст. 19 Руководящих начал содержались нормы о приготовлении к преступлению: «приготовлением к преступлению считается приискание, приобретение или приспособление лицом, подготавливающим преступлением, средств, орудий и т. п. для совершения преступления». Также содержались положения о покушении на преступление.

При этом, следует отметить, что, несмотря на несомненное достижение Руководящих начал в формировании концепции неоконченного преступления, Руководящие начала были непоследовательны в решении вопросов установления уголовной ответственности за отдельные этапы неоконченного деяния. Например, в ст. 20 было указано, что стадия «осуществления намерения, совершающего преступление сама по себе не влияет на меру репрессии, которая определяется степенью опасности преступника». То есть, толкование этой нормы позволяло установить одинаковую ответственность как за приготовление к преступлению, так и за покушение на него, что лишало всякого смысла теоретическое разграничение стадий неоконченного преступления в ст. ст. 17 и 18 Руководящих начал 1919 года.

¹ Узденов, Р.М. Уголовно-правовая регламентация стадий неоконченного преступления в советском законодательстве // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. С. 10.

² Руководящие начала по уголовному праву РСФСР : Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

Дальнейшее развитие теории неоконченного преступления происходило в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года¹. В ст. 12 УК РСФСР содержалось понятие приготовления к преступлению: «приготовлением к преступлению считается приискание или приспособление орудий, средств и создание условий для совершения преступления». При этом изначально УК предусматривал наступление уголовной ответственности за приготовление к преступлению только в том случае, если это специально было обозначено в статье Особенной части уголовного закона. Однако, затем в ходе совершенствования норм уголовного законодательства уголовная ответственность за приготовление к преступлению уже строилась по принципу обобщения на все виды уголовно-наказуемых деяний.

В 1923 году в ст.12 УК РСФСР 1922 года были внесены изменения в соответствии с которыми при установлении факта приготовления к совершению преступления, суды стали применять такое наказание, как высылку.

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года² уже не была проведена дифференциация отдельных этапов преступной деятельности, приготовление к преступлению и покушение на него были объединены общим понятием предварительной преступной деятельности, под которым понималось «начатое преступление», которое не было доведено до конца. При этом наказание за приготовление и покушение назначалось в пределах санкции той статьи, которая предусматривала соответствующее оконченное преступление, и связывалось со степенью завершенности преступления, близостью наступления вредных последствий, а также степенью опасности преступника (ст.11 Основных начал).

¹ О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР : Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

² Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

С позиции законодательной техники, замену в Основных началах понятия «ненаступление преступного результата по независящим от лица обстоятельствам», о котором говорилось в Руководящих началах 1919 г. и в УК РСФСР 1922 г., сомнительным выражением – «ненаступление преступного результата по каким-либо причинам» нельзя признать удачным. Поскольку добровольный отказ также является причиной, по которой преступление не доводится до конца, но отличие добровольного отказа от приготовления к преступлению заключается в том, что в нем нет ни стадии приготовления, ни действий, направленных на покушение на преступление. При этом Основные начала 1924 года не содержали положений об освобождении от уголовной ответственности за добровольный отказ от преступления.

В развитии доктрины неоконченного преступления, новый кодекс 1926 года¹ выделял не только стадию покушения на преступление, но и стадию приготовления к его совершению. При этом Кодекс 1926 года не давал определения понятия стадии покушения на преступления, но определял приготовление как поиск орудий или приспособлений, создание условий, которые будут нужны для совершения будущего преступления. Смысл выделения стадий неоконченного преступления при этом был не такой, как в нынешнем уголовном праве – понижение уголовного наказания, - напротив, закон специально указывал на неоконченную преступную деятельность как основание наступления уголовной ответственности в полном объеме, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что любая преступная деятельность наказуема.

Итак, в 1926 году стадии преступления выделялись среди неоконченной преступной деятельности, но они не давали привилегий при определении степени уголовного наказания, а лишь квалифицировали деяние как таковое.

¹ О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года : Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 01.12.1934) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

Тем не менее, теория неоконченного преступления продолжала оставаться актуальной для уголовной доктрины 20-30-х годов прошлого века. Основным моментом, волновавших ученых, было отграничение покушения на преступление от приготовления к преступлению, - было ясно, что нельзя наказывать одинаково за возникшее желание совершить преступление и за уже совершенное преступление хотя бы потому, что общественно опасные последствия во втором случае уже наступили, а в первом – еще нет. Поэтому требовалось теоретическое обоснование вопроса дифференциации уголовной ответственности за такую деятельность.

Например, по мнению С.В. Познышева наказывать за приготовление к преступлению вообще нельзя, так как вред обществу еще не причинен. Если же в процессе приготовления к преступлению вред причиняется третьим лицам, то ответственность должна наступить по последствиям, которые уже сами по себе составляют самостоятельные составы преступлений¹.

Аналогичного мнения придерживался и Э.Я. Немировский, который писал о том, что если деяние не причинило вред обществу, то наказывать за его совершение нельзя, так как это подрывает сам первый принцип уголовной ответственности – она является реакцией на общественно-опасное посягательство лица на охраняемые законом блага и интересы общества. Если посягательства не было, то не может быть наступления уголовной ответственности. Нельзя наказывать за голый умысел или за такие действия, которые пусть и направлены были на будущее преступление, но сами по себе не составляли его². Противником этих позиций был М.С. Строгович, который указывал, что если лицо не просто задумало совершить преступление, но уже начало готовиться к нему, то оставлять его без какого-либо уголовного наказания будет легкомыслием по отношению к социальной

¹ Познышев С.В. Учебник уголовного права. Общая часть. М.: Юрид. издательство Наркомюста, 1923. С. 137.

² Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Одесса, 1926. С. 135.

безопасности и будет серьезно подрывать авторитет власти и режим законности в стране.

Н.Д. Дурманов предлагал выделять среди приготовления к преступлению приготовления к наиболее опасным преступлениям и карать за них, - за приготовление к преступлениям небольшой или же средней тяжести уголовная ответственность не должна наступать, здесь достаточно административных мер воздействия и общественного порицания¹.

Равно как и в настоящее время в советской уголовной доктрине имелись идеи о том, что выделение стадий неоконченной преступной деятельности является надуманной проблемой, - так, В.М. Чхиквадзе писал о том, что такое выделение лишь порождает споры о границах между стадиями неоконченной преступной деятельности и лишено всяческого смысла.

Для того, чтобы определить те виды преступлений, которые настолько опасны, что даже приготовление к ним должно влечь за собой уголовную ответственность, А.Н. Трайнин писал о необходимости четкого их перечисления в особенной части уголовного закона². То есть наказывать за приготовление к преступлению можно только в случаях, которые прямо предусмотрены законом. Другой автор - М.А. Чельцов, - вообще предлагал исключить из общей части положения о приготовлении к преступлению, указывая, что в статьях особенной части УК следует указать в диспозиции нормы фразу «а также приготовление к его совершению» - и этого будет достаточно для вменения уголовной ответственности и наказания за подготовительную деятельность³. Эти мнения противников выделения отдельных стадий неоконченного преступления были частично восприняты в подготовке Основ законодательства Союза ССР и союзных республик.

Тем не менее, несмотря на частично отрицательные отношение к выделению стадийности неоконченного преступления, ученые все же выде-

¹ Дурманов Н.Д. К подготовке проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. 1946. № 7-8. С. 57.

² Трайнин А.Н. Уголовная ответственность за подготовительные к преступлению действия Социалистическая законность. 1953. № 12. С. 90.

³ Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929. С. 9.

ляли различные их стадии. Так, например, С.В. Познышев писал о том, что покушение отличается от приготовления тем, что в покушении уже наступает посягательство на охраняемый уголовным законом объект преступления¹.

Э.Я. Немировский проводил границу между стадиями неоконченного преступления по принципу исключения – пока человек не начал фактически осуществлять объективную сторону преступления, речь идет о приготовлении к нему². Именно началом выполнения преступной деятельности отграничивается покушение на преступление от приготовления, - все действия до покушения охватываются понятием приготовления и не влекут уголовную ответственность кроме как в случаях, прямо предусмотренных законом. Автор так определял покушение – как начало непосредственной преступной деятельности, направленной на совершение объективной стороны преступления, охваченной умыслом на совершение преступления³.

Несмотря на то, что советский уголовный закон не давал льготного наказания за неоконченную преступную деятельность, все же Э.Я. Немировский говорит о добровольном отказе от преступления как об основании для освобождения лица от уголовной ответственности, так как он сам, без мер уголовных репрессий осознал неправильный образ своего поведения и принял решение о возвращении в правовое поле. Именно поэтому отказ от преступной деятельности не должен влечь за собой уголовную ответственность, кроме, естественно, случаев, когда человек уже совершил какие-либо другие преступления⁴.

Неоконченная преступная деятельность тесно связана с такими категориями, как попытка совершения преступления при помощи использования негодных средств или на негодный объект – речь идет об уголовно-правовой ошибке при совершении преступления.

¹ Познышев С.В. Учебник уголовного права. Общая часть. М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. С. 138.

² Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Одесса, 1926. С. 136.

³ Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Одесса, 1926. С. 137.

⁴ Там же. С. 140.

Теория ошибок была также разработана в трудах отечественных специалистов в области уголовного права. И.З. Гетлер давал общее определение ошибки в уголовном праве как несоответствие между представлениями лица и действительностью¹. Это определение подходит под ошибку и в прочих сферах человеческой жизни, оно универсально. А.Ф. Кистяковский разграничивал неведение и ошибку по признаку осознанности – под неведением автор представлял незнание какого-либо факта или обстоятельства, которое должно быть общеизвестным, очевидным, а под ошибкой – заблуждение добросовестного характера, обусловленное верным рассуждением на неверных посылках².

В начале прошлого века также другой автор – Л.С. Белогриц-Котляровский писал о том, что есть понятие ошибки, а есть понятие неведения лица относительно различных признаков деяния. Неведение – есть искреннее заблуждение лица, заблуждение относительно условий и обстоятельств совершения действия, а ошибка – есть уже конечный результат неведения. То есть эти два процесса взаимосвязаны, и один обуславливает другой³. При этом автор уже дает рекомендации по квалификации таких ошибок, указывая, что судить лицо надо по направленности умысла, так как именно он определяет степень его общественной опасности, а не тот факт, что ему чудом удалось не причинить тот вред, на который он рассчитывал. Если человек умышленно был готов совершить то, то он сделал, судить его нужно именно за эти деяния, поскольку он был морально к ним готов и все его действия были направлены на реализацию этого преступного замысла.

¹ Гетлер И.З. Ошибка человека и ее значение, при вменении деяния этого лица ему в вину. – Юрьев, 1910. – С. 5.

² Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. – Киев, 1891. – С. 165.

³ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник Русского Уголовного права. Часть 1. – М.: Южно-русское книгоиздательство Ф.А. Югансона, 1903. – С. 101.

Н.С. Таганцев писал, что ошибка – есть искреннее заблуждение лица, совершающего преступное деяние, относительно признаков его субъективной стороны. Источником ошибки автор видит психические особенности самого лица, повышенное возбуждение в момент совершения преступления, отсутствие достоверного знания об особенностях преступления и т.д.¹

Ошибка определенным образом оказывает влияние на фактическую квалификацию деяния лица и, соответственно, на наступление уголовной ответственности и суровость уголовного наказания.

Советские ученые продолжили наследие дореволюционных цивилистов в плане учения об ошибке. В.Ф. Кириченко понимал под ней заблуждение лица об общественной опасности деяния, которое он совершает. Ценностью учения является разграничение существенных и несущественных для квалификации обстоятельств, относительно которых заблуждался преступник². Б.С. Утевский ошибку толковал как неверное понимание лицом признаков своих действий (либо юридических, либо фактических), а также последствий своих действий или бездействия³. Л.И. Коптякова уже более коротко определяла уголовно-правовую ошибку как заблуждение лица относительно фактических или юридических признаках своего деяния⁴. Более современный автор Т.В. Кондрашова определяла ошибку как добросовестное заблуждение субъекта преступления о характере, противоправности, либо степени общественной опасности деяния, совершаемого им⁵. В учении об ошибке Ф.Г. Гизляева есть положительный момент в том,

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. – М.: Юрайт, 1994. – С. 231.

² Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву // Изд. Академии наук СССР. – М., 1952. – С. 65.

³ Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – М., 1950. – С. 233.

⁴ Коптякова Л.И. Понятие ошибок в советском уголовном праве и их классификация // Проблемы права, социалистической государственности и социального управления: межвузовский сб. научн. трудов. – Свердловск, 1978. – С. 202.

⁵ Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. – Екатеринбург: Изд. Гуманитарного ун-та, 2000. – С. 70.

что он классифицирует различные ошибки, совершаемые субъектом преступления, по критерию ошибочного объекта – это или признаки потерпевшего, или признаки объекта преступного посягательства, или признаки самого деяния и т.д.¹

Современники, такие как А.В. Наумов и А.И. Рарог определяют ошибку как неправильное представление (А.В. Наумов) или как заблуждение (А.И. Рарог) относительно признаков совершаемого деяния или его последствий².

Проблеме квалификации ошибок в уголовном праве посвящены работы В.А. Якушина³. Он определял ее как заблуждение субъекта относительно фактических обстоятельств совершаемого деяния, его противоправности, общественной опасности, последствий, сформированное в определенных жизненных обстоятельствах, которое оказывает влияние на установление формы вины и определение уголовной ответственности лица.

Диссертационные исследования ошибки в уголовном праве были также посвящены авторами М.Б. Фаткуллиной и З.Г. Алиева, которые определяли ошибку как психическое отношение лица к своему поведению и его последствиям (З.Г. Алиев⁴); как знание, сформированное у лица под воздействием заблуждения о фактических и юридических обстоятельствах деяния (М.Б. Фаткуллина⁵).

Обобщая понятие ошибки в уголовном праве, можно определить их как добросовестное заблуждение лица относительно юридических или фактических признаков совершаемого им преступного деяния, в том числе,

¹ Гилязев Ф.Г. Особенности вины и значение ошибки в уголовном праве. – Уфа: Изд. Башкирского университета, 1993. – С. 20.

² Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. Т. 1. – М., 2014. – С. 235; Рарог А.И. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. – М., 2016. – С. 187.

³ Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. – Казань, 1998. – С. 37.

⁴ Алиев З. Г. Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. – Сургут, 2007. – С. 19.

⁵ Фаткуллина М.Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации): дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 43.

относительно его общественной опасности, противоправности, а также признаках потерпевшего или иного объекта преступления. Условия, в которых сформировалось это недостоверное знание, по сути, не имеет значения, важна направленность умысла и соответствие деяния лица тому, что он действительно планировал осуществить.

При покушении на не тот объект, который планировался изначально, С.В. Познышев считал справедливым не устанавливать изъятий из уголовного наказания, поскольку преступник все же имел умысел на совершение именно этого преступления и должен быть наказан за то действие, на которое были направлены его усилия, вне зависимости от наступивших результатов, поскольку уголовное наказание направлено на преступника, а не на общество¹.

Ответственность за приготовление была оставлена в прежнем варианте и в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года² и в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.³ Определение понятия приготовления оставалось прежним – им признавались любые подготовительные действия к совершению преступления. В нормах УК 1960 года появляется освобождение от уголовной ответственности при добровольном отказе от преступления (ст. 16).

Итак, приготовление к преступлению как стадия неоконченной деятельности, выделилась далеко не сразу в истории русского уголовного права. Можно говорить, что теоретически она появилась в первых советских уголовных кодексах, а как основание для снижения уголовного наказания – только в последнее время, поскольку в советский период любая

¹ Познышев С.В. Учебник уголовного права. Общая часть. М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. С. 142.

² Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 08.04.1989) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

³ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

преступная деятельность – оконченная и неоконченная, - влекли за собой наступление уголовной ответственности.

§ 2. Зарубежное законодательство об уголовной ответственности за приготовление к преступлению

Сравнительно-правовой анализ закрепления мер об уголовной ответственности за неоконченное преступление позволяет перенять положительный опыт зарубежных стран в части регламентации неоконченной преступной деятельности для российской уголовной практики.

Следует сразу указать, что в большинстве стран мира неоконченная преступная деятельность не разделяется на стадии, кроме разве выделения заговора, который уголовно не наказуем¹.

К примеру, в уголовном праве Испании заговор определяется как умысел на совершение преступления, который возник как минимум у двух лиц, которые обсудили его между собой и намерены исполнить. В зависимости от тяжести преступления уголовная ответственность за заговор или наступает или нет, но в любом случае наказуем заговор на совершение тяжких преступлений².

В законодательстве Великобритании и США случаи, при которых наступает ответственность за простой преступный сговор, существенно шире, - там ответственность наступает почти во всех случаях установления преступного умысла³.

¹ Адельханян Р.А. Преступность деяния по международному уголовному праву. М., 2002. С. 20.

² Грузинская Е.И. Уголовное законодательство отдельных зарубежных стран о неоконченном преступлении // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 57.

³ Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. Под ред. И.Д. Козочкина. М., 2003. С. 175; Соловьев О.Г., Грибов А.С. Опыт законодательной регламентации ответственности за экономические преступления в УК Техаса (США) // Российский следователь. 2008. № 24. С. 39.

В Китае, который известен суровостью уголовного наказания, наступает ответственность и за приготовление к преступлению, при этом суд определяет сам наказание, не связываясь нормами уголовного закона¹.

В Голландии с 1994 года предусмотрена ответственность за приготовление к преступлению, при этом уголовная ответственность наступает без привязки к тому преступлению, которое планируется совершить, а просто за подготовку к преступлению – ст. 46 УК Голландии предусматривает ответственность в виде 8 лет лишения свободы за эти преступные действия².

В большинстве уголовных законов европейских государств выделяется стадия приготовления к преступлению и покушения на него. Но ответственность наступает только за приготовление к тяжким преступлениям (Германия), либо вообще не наступает (Швейцария)³.

Своеобразно институт неоконченного преступления регламентируется в УК Украины, который исключает ответственность за приготовление только лишь к преступлению небольшой тяжести. УК Украины в ст. 12, также как и УК РФ, определяется, что преступления в зависимости от степени тяжести подразделяются на преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. В других уголовных кодексах государств постсоветского пространства вопросы неоконченного преступления нормативно решаются, так же, как и в УК РФ.

В соответствии со ст. 10 УК Республики Беларусь основанием уголовной ответственности является совершение виновно запрещенного УК деяния в виде как оконченного преступления, так и приготовления к совершению преступления, а также покушения на совершение преступления. Нужно отметить, что законодатель Республики Беларусь не раскрывает

¹ Уголовный кодекс КНР / Под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс. 2001. С. 24.

² Яценко К.К. Особенности неоконченного преступления в УК Голландии // Следователь. 2003. № 2. С. 23.

³ Серебренникова А.В. Уголовный кодекс Швейцарии: основные черты книги первой // Вестник Моск. ун-та. Серия II. Право. 1997. № 6. С.56.

дефиницию неоконченного преступления, называя только его виды – приготовление к преступлению и покушение на преступление, что следует из смысла ст. 67 «Назначение наказания за неоконченное преступление» УК. В статьях 13 и 14 УК определены понятия «приготовление к преступлению» и «покушение на преступление». Так, приготовлением к преступлению признаются приискание или приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления. При создании нормы о приготовлении к преступлению (ч. 1 ст. 13 УК) белорусским законодателем было использовано сочетание казуистического и абстрактного приемов законодательной техники.

Начинается указанная норма с конкретизации приготовительных действий в виде приискания или приспособления лицом средств или орудий, а заканчивается обобщающей формулой – «иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления».

Иными словами, сначала законодатель, применяя казуистический прием, перечисляет наиболее опасные виды приготовительных действий, а затем благодаря абстрактному приему использует обобщающую формулировку – понятие «иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления», т. е. все иные действия, которые могут быть признаны приготовлением к преступлению.

Непонятно только, почему белорусский законодатель перечисляет всего две, по его мнению, наиболее опасные формы совершения приготовительных действий, оставляя без внимания другие возможные, как представляется, не менее опасные и распространенные виды приготовительных действий (приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления и др.). Следуя такой логике, можно было бы вообще ограничиться использованием обобщающей формулировки при определении приготовления к преступлению – «иное умышленное создание условий для совершения преступления». Кроме того, вызывает сомнение использование при определении приготовительных действий термина «приспособле-

ние». Почему законодатель использует именно этот термин, означающий видоизменение каких-либо предметов или иные действия с ними с целью придания им свойств орудия или средства совершения преступления? Сложно согласиться, что приспособление является более опасным и распространенным деянием при приготовлении, чем, например, изготовление. Более того, если в ч. 1 ст. 13 УК законодатель использует термин «приспособление», то далее на страницах кодекса этот термин не употребляется ни разу. Зато понятия «изготовление», «переделка» или «ремонт» встречаются при создании норм Особенной части УК не раз¹.

Уголовное законодательство Израиля обладает такими отличительными особенностями, которые не позволяют отнести его к какой-либо типичной правовой системе. Эти особенности обусловлены историческими аспектами становления самого государства, а также «симбиозом» правовых, культурных и даже религиозных факторов, т.к. источниками израильского права являются не только законы и подзаконные акты, но и судебные прецеденты, правовые обычаи, правовая (в том числе религиозно-правовая) доктрина, иудаистские и мусульманские священные книги.

В государстве Израиль фактически действует смешанная правовая система, в которой сочетаются черты романо-германского (континентального) и англо-саксонского права. В настоящее время действует Израильский Уголовный закон 1977 г., который представляет собой, по сути, перевод на иврит Ордонанса об Уголовном кодексе 1936 г., изданного английскими властями и заменившего османское уголовное право, действовавшее в Палестине до прихода англичан.

Необходимо принять во внимание поправки и дополнения, внесенные с того времени Кнессетом. В целом, по мнению большинства ученых, элементы английской правовой культуры доминируют в израильской системе права. Это можно сказать и об отношении судей, ученых-юристов и

¹ Некрасов В.Н. Нормы о неоконченном преступлении в уголовном законодательстве Республики Беларусь. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1. С. 161.

адвокатов к прецедентам, о роли судов и об их вкладе в развитие уголовного права. После 1948 г. английские судебные прецеденты не имеют в Израиле обязательного характера. В настоящее время суды чаще ссылаются не на английскую, а на американскую судебную практику; на нее же ориентирована и деятельность Верховного суда Израиля. Иногда встречаются ссылки на решения по аналогичным вопросам в Канаде, Австралии, ФРГ, Франции.

Следует также помнить, что в отсутствие кодифицированного законодательства в Израиле, Закон об уголовном праве не является кодексом, и не устанавливает уголовную ответственность за все преступления, существующие в израильском законодательстве. Он рассматривается как основополагающий Уголовный закон в Израиле, а действие вступительной и общей части Закона об уголовном праве распространяются на все остальные законодательные акты, устанавливающие уголовную ответственность за совершение иных преступлений, указанных в других нормативно-правовых актах (например, Законе о ценных бумагах 1968 г., Ордонансе об опасных наркотиках 1973 г., Законе о предотвращении сексуальных домогательств 1998 г., и т.п.). Этим и объясняются особенности регулирования такого своеобразного института, как неоконченное преступление. Он, по общему правилу, представлен несколькими нормами в Законе об уголовном праве Израиля: а) в ст. 25 приводится понятие покушения; б) в ст. 26 говорится о невозможности совершения преступления; в) в ст. 27 устанавливается особое наказание за покушение; г) ст. 28 регулирует освобождение от уголовной ответственности в связи с раскаянием.

Что же касается ответственности за приготовление к преступлению, то, по общему правилу, её нет. Тем не менее, сговор можно отнести к предварительной преступной деятельности, до совершения непосредственного преступления. Иными словами, его можно рассматривать как подготовку конкретного преступления (по аналогии с российским уголовным законодательством). Таким образом, по сути, сговор – это разновидность

приготовительных действий. Как известно, в ст. 30 УК РФ одним из способов приготовления к преступлению признаются приискание соучастников преступления и сговор на совершение преступления, если при этом задуманное преступление не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам.

Вступление в сговор для совершения тяжкого либо преступления средней тяжести, согласно ст. 499 Закона об уголовном праве Израиля, влечет наказание в виде тюремного заключения сроком на семь лет либо более мягкое наказание, предусмотренное за такое преступление; если преступление является средней тяжести – то наказание следует в виде тюремного заключения сроком на два года, либо более мягкое наказание.

При этом ст. 500 предусматривает уголовную ответственность за вступление в сговор для совершения иных деяний: для воспрепятствования исполнению закона; для причинения вреда либо репутации лица; для достижения запрещенной цели; для достижения правомерной цели запрещенными способами, и т.п.

Хотя в законодательстве ничего не говорится об уголовной ответственности за приготовление, но за отдельные виды преступлений установлена ответственность и за их подготовку. Так, ст. 116 называется «Приготовление» и предусматривает уголовную ответственность за приготовление к совершению следующих деяний: а) подделку документа либо за владение поддельным документом; б) владение официальным документом либо его использование, не имея на то полномочий; в) использование ложных сообщений или введение в заблуждение; г) использование формы армии обороны Израиля или израильской полиции либо другой официальной формы, не имея на то законных полномочий; д) владение официальным штампом, печатью или бумагой либо секретным паролем, не имея на то законных полномочий¹.

¹ Анисимов А.А. Неоконченное преступление в уголовном праве Израиля. Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 15.

Ст. 497 УК Израиля «Приготовление преступлений с использованием опасных веществ» устанавливает ответственность за подготовку тяжких и средней тяжести преступлений, или за предоставление возможности другому лицу совершить преступления данной категории. За совершение таких действий предусмотрено максимальное наказание в виде тюремного заключения сроком на три года.

В заключение рассмотрения этого вопроса необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, большинство зарубежных кодексов не выделяют приготовления к преступлению и не назначают за него уголовной ответственности. Как правило, в Общей части зарубежных Уголовных кодексов провозглашается уголовная ответственность за покушение на преступление, а наказание за приготовление распространяется лишь на некоторые, исключительные преступления (в основном, относящиеся к государственным преступлениям).

Во-вторых, отсутствие уголовной ответственности за приготовительные действия в законодательстве большинства зарубежных стран заменяется расширением формулировки покушения на совершение преступления. Несмотря на некоторые различия в определении покушения на преступление, оно сводится к достаточно широкому понятию «начало исполнения». Это позволяет включать в него действия, которые в нашем уголовном законодательстве могут признаваться лишь приготовлением к совершению преступления.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

§ 1. Понятие, признаки и уголовно правовое значение приготовления к преступлению

Приготовление к преступлению является самой начальной стадией совершения преступления. Приготовление – это уже начало преступной деятельности, когда от простого замысла лицо переходит к конкретным действиям, направленным на реализацию своего преступного умысла. С этого момента в установленных законом случаях может наступать уголовная ответственность. В связи с этим ч. 1 ст. 30 УК РФ содержит определение понятия приготовления к преступлению как к уже к определенной форме преступной деятельности, понимая под ним приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам. Это определение отражает подход законодателя к существенным признакам приготовления к преступлению как к стадии уголовно-наказуемого деяния, среди которых можно выделить:

а) указание на форму приготовления к преступлению – в российском уголовном законе таковыми понимаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления;

б) указание на тот факт, что преступление не было доведено до конца;

в) наиболее важно – недоведение преступления до конца произошло по обстоятельствам, которые не зависели от воли самого лица, готовящегося к преступлению. В противном случае будет иметь место добровольный отказ от преступной деятельности (ст. 31 УК РФ).

Несмотря на наличие легального определения приготовления к преступлению в литературе даются разные определения этой стадии неоконченного преступления. По мнению А.П. Козлова сама стадия приготовления к преступлению достаточно спорна, поскольку, фактически, речь идет о создании условия для преступной деятельности, т.е. под приготовлением к преступлению, по его мнению, следует считать «пресеченное до начала исполнения преступления деяние по приисканию, изготовлению либо приспособлению орудий и (или) средств исполнения преступления, сговору соучастников, а равно иному созданию условий исполнения преступления»¹.

Возражая этой позиции С.В. Чернокозинская указывает, что спорно в определении приготовления преступления термина «пресеченное» – возникает вопрос, кем или чем должна быть пресечена подготовительная преступная деятельность для того, чтобы быть признанной приготовлением? Ведь от установления факта пресечения подготовительной деятельности зависит сама квалификация его как такового, при этом важно, что деятельность должна быть пресечена не самим лицом, задумавшим преступление, а кем-то еще, поскольку в противном случае будет иметь место добровольный отказ от совершения преступления².

В. Д. Иванов рассматривает приготовление как внешнее поведение лица, которое направлено на создание условий для непосредственного со-

¹ Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. Козлов А.П. СПб: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 216.

² Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание. Диссертация кандидата юридических наук Чернокозинская С. В. Саратов, 2005. С. 75.

вершения конкретного преступления¹. В этой дефиниции, использование термина «непосредственного» нам видится излишним ввиду объективной возможности совершения преступления опосредованно (при помощи лиц, не подлежащих уголовной ответственности, с использованием животных и т.п.).

М.П. Ревин под приготовлением к преступлению первоначально понимал «либо умышленное создание условий для совершения преступления, либо нападение на объект преступления, прерванное по независящим от воли этого лица обстоятельствам до начала совершения преступления»².

У некоторых исследователей данное определение вызвало недоумение. В частности, С.В. Чернокозинская по этому поводу отмечала: «выделение такого признака объективной стороны, как «нападение на объект преступления», не имеет ничего общего с приготовлением. Что хотел этим сказать автор, – непонятно. Если это нападение на объект преступления, то это может быть покушением, но только не приготовлением. Выше он указывает, что приготовление – создание условий, получается явное противоречие. Далее автор указывает: «прерванное ... до начала совершения преступления». О каком преступлении можно говорить, если «до начала совершения преступления» – получается, что его нет и сразу возникает проблема наказания. За что следует уголовное наказание, и как тогда вообще признавать приготовление преступлением, если до «начала совершения преступления», до начала преступления может быть только умысел, а он по действующему законодательству не наказуем»³.

Позднее, в авторском проекте главы УК о неоконченном преступлении, М.П. Ревин формулирует, понятие приготовления к преступлению,

¹ Иванов В.Д. Понятие и виды стадий преступной деятельности // Правоведение. 1992. № 6. С. 88.

² Ревин М.П. Понятие оконченного и неоконченного преступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации // Правоведение. 1997. № 1. С. 117.

³ Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание. Диссертация кандидата юридических наук. Чернокозинская С. В. Саратов, 2005. С. 75.

как «приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий исполнения преступления, приискание соучастников исполнения преступления, сговор на исполнение преступления либо иное умышленное создание условий для исполнения преступления, не доведенное до начала исполнения преступления по не зависящим от этого лица обстоятельствам»¹. Уточнение временного промежутка приготовления, в предлагаемом определении, автор обосновывает тем, что «фраза «если при этом преступление не было доведено до конца» неверно определяет временные рамки создания условий для исполнения преступления (ведь стадия умышленного создания условий для исполнения преступления длится лишь до начала исполнения преступления)». При этом, понятие «умышленное создание условий для исполнения преступления» (которое, как видно из приведенного определения, по сути, является синонимом термина «приготовление к преступлению») рассматриваемый автор трактует, как определенную стадию «осуществления преступного намерения, в результате которой лицо нападает на объект преступления с целью причинения ему общественно опасного вреда». В свою очередь, такую категорию, как «нападение на объект преступления с целью причинения ему общественно опасного вреда», М.П. Ревин определяет, как «деятельность лица по реализации преступного намерения, при помощи которой должны быть осуществлены действия (бездействие), непосредственно направленные на исполнение преступления, т.е. – это оконченное умышленное создание лицом условий для исполнения преступления»².

Применительно к изложенным дефинициям у нас возникают следующие замечания. Во-первых, как было отмечено выше, использование в определении приготовления к преступлению термина «нападение» пред-

¹ Ревин М.П. Преступления по степени их завершенности. М.: Юрлитин-форм, 2006. С. 95.

² Ревин М. П. Преступления по степени их завершенности в российском праве (понятие, система преступлений, ответственность, концепция совершенствования законодательства). диссертация кандидата. юридических. наук Ревин М.П. Саратов, 2005. С. 7.

ставляется неуместным, поскольку нарушает принцип единообразного понимания уголовно-правовых категорий, в соответствии с которым, в литературе и правоприменительной практике сложились относительно стабильные взгляды на сущность указанного понятия: традиционно под нападением понимают «активное и неожиданное агрессивное воздействие, создающее реальную опасность немедленного и непосредственного применения насилия к потерпевшему»¹. Во-вторых, далеко не всегда приготовительные преступные посягательства осуществляются с целью причинения общественно опасного вреда охраняемым уголовным законом отношениям.

А.И. Ситникова и Г.В. Назаренко² определяли приготовление к преступлению, как «умышленное создание любых предпосылок для совершения преступления, в том числе приискание, изготовление или приспособление средств или орудий совершения преступления, если при этом готовящееся преступление не было совершено по обстоятельствам, не зависящим от лица». С учетом принципов стадийной концепции неоконченного преступления, подобное определение предлагает и С.В. Чернокозинская³.

Обосновывая замену понятия «создание условий для совершения преступления» категорией «умышленное создание любых предпосылок для совершения преступления», А.И. Ситникова указывает, что «этот признак объективно отражает непосредственную направленность приготовительных действий на совершение готовящегося преступления»⁴. Подобная аргументация нам представляется неубедительной, поскольку, согласно словарным определениям, понятие «предпосылка» означает предваритель-

¹ Современное уголовное право. Общая и особенная части / под ред.: А.В. Наумова. М.: Илек-са, 2017. С. 477.

² Ситникова А.И. Неоконченное преступление и его виды : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 17; Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Неоконченное преступление и его виды : монография. М.: Ось-89, 2003. С. 64.

³ Чернокозинская, С.В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание : дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Чернокозинская. - Саратов, 2005. С. 75.

⁴ Ситникова А.И. Неоконченное преступление и его виды : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 162.

ное условие чего-нибудь и является синонимом термина «условие». Таким образом, предлагаемая замена понятий в рассматриваемом определении, в сущности своей, представляет лишь неоправданное терминологическое жонглирование. Кроме того, использование в окончании формулировки фразы «по обстоятельствам, не зависящим от лица», придает всей дефиниции «урезанный» характер, поскольку оставляет без ответа закономерно возникающий вопрос – какого именно лица? Виновного или кого-либо еще?

К.Т. Тедеев предлагает следующее определение приготовления к преступлению: «действия (бездействие), направленные на приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам»¹. Как видим, от законодательной данная формулировка отличается лишь конкретизацией форм деяний, в которых может протекать рассматриваемая стадия преступной деятельности. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что в предлагаемой теоретической конструкции активная форма поведения необоснованно представлена множественным числом, в то время, как бездействие упоминается только в единственном числе. К тому же, в завершающей определении фразе «по не зависящим от лица обстоятельствам», между предлогом «от» и существительным «лица», видимо, пропущено местоимение «этого».

Внимательное изучение вышеизложенных определений понятия приготовления к преступлению позволило обнаружить в них следующие уязвимости. В литературе уже отмечалось, что к приготовлению следует относить и действия, создающие возможность уклонения лица от уголовной

¹ Тедеев К.Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов : дис. канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

ответственности за совершение задуманного им преступления (обеспечение себе алиби, изготовление фальшивых документов, изменение внешности и т. д.). Поддерживая данную позицию, ученые, тем не менее, не принимают ее во внимание при формулировании предлагаемых определений рассматриваемого понятия. Кроме этого, следует учитывать, что преступные приготовительные действия могут быть направлены не только на создание условий для совершения преступления и уклонения от уголовной ответственности, но и на иное постпреступное поведение (например, формирование условий субъектом, для принятия на себя всей ответственности, за преступление, совершенное в соучастии; подделывание виновным завещания потерпевшего, с целью вступления в наследство после его убийства и т.п.).

В предлагаемых авторских дефинициях форма приготовления, в виде приискания орудий и средств совершения преступления, излагается с указанием на множественное число соответствующих предметов, что неоправданно исключает из рассматриваемого понятия действия, направленные на поиск одного орудия и (или) средства. К тому же, использование в законодательной и прочих формулировках союза «или» необоснованно элиминирует возможность квалификации как приготовления к преступлению осуществление одновременного поиска и орудий и средств его совершения.

С учетом проведенного анализа теоретических конструкций исследуемого понятия, представляется возможным предложить следующее определение приготовления к преступлению: приготовление к преступлению – это совершение лицом деяния, направленного на умышленное создание условий для выполнения конкретного преступления, а равно условий для уклонения от уголовной ответственности за совершение задуманного преступления, либо условий, облегчающих иное постпреступное поведение, если при этом преступление не было совершено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

В уголовно-правовой литературе существует несколько подходов к пониманию юридической сущности приготовления к преступлению. Так, В.Д. Иванов считает, что приготовление является началом развития объективной стороны оконченного преступления¹. В противовес данной точке зрения А.В. Наумов полагает, что приготовление не входит в объективную сторону совершаемого лицом оконченного преступления². С мнением данного автора следует согласиться, поскольку приготовление к преступлению представляет собой лишь создание определенных условий для его совершения, на что прямо указывается в уголовном законе: «...либо иное умышленное создание условий для совершения преступления». Таким образом, перечисленные в законе приготовительные действия не входят в объективную сторону готовящегося преступления.

В науке уголовного права существует весьма спорная точка зрения, согласно которой приготовление к преступлению разновидностью неоконченного преступления, то есть стадией преступления, не является. И объясняется это тем, что приготовление всегда имеет место еще до начала того преступления, к совершению которого готовилось лицо, а стадией преступления можно признать лишь ту его фазу, этап, ступень в развитии, которые имеют место уже после начала преступления³.

Юридическая сущность стадии приготовления заключается в том, что входящие в ее содержание действия хотя и представляют реальную угрозу для объекта конкретного преступления, однако его объективной стороной не предусмотрены, непосредственного вреда данному объекту еще не причиняют и прямо на совершение преступления не направлены.

¹ Иванов В.Д. Понятие, виды и стадии преступной деятельности // Правоведение. 1992. № 6. С. 25.

² Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Общая часть. М.: Юрид. лит. 2004. С. 272.

³ Дрыженко Д.Б., Семченков И.П. Приготовление к преступлению стадией преступления не является. Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4(38). С. 14, 15.

Длительность и тщательность preparatory actions определяются характером готовящегося преступления. Чем оно сложнее и опаснее, тем, как правило, многостороннее и продуманнее приготовление к его совершению. Например, в преступлениях террористической направленности preparatory actions многочисленны и основательны.

В современной литературе признаки приготовления к преступлению принято делить на объективные и субъективные.

Объективные признаки приготовления к преступлению:

1. совершение разнообразных действий, создающих последующие условия для реализации задуманного преступления. Preparatory actions не причиняют вреда объекту преступления, а только формируют условия для причинения такого вреда в будущем. Действия, образующие приготовление к преступлению, всегда предшествуют по времени началу выполнения объективной стороны общественно опасного посягательства;

2. незавершенность посягательства по объективным, независящим от виновного причинам. Обстоятельства, в силу которых преступление не доводится до конца, имеют объективный характер: например, вмешательство посторонних лиц, воздействие сил природы, неисправность орудий и средств совершения преступления и пр.;

3. субъективный признак приготовления к преступлению: наличие умышленной формы вины в виде прямого умысла. Лицо, совершающее приготовление к преступлению, осознает общественную опасность своих действий, посредством которых создаются условия для последующего осуществления преступления, и желает данные действия совершить.

Приготовление чаще всего совершается путем действий. Это может быть одно (приобретение яда для совершения убийства) или несколько действий (склонение сторожа к участию в хищении, предварительная подготовка автомашины для вывоза похищенного и т.п.). Реже приготовление выражается в бездействии: например, кассир, уходя с работы, оставляет открытым сейф для последующего совершения кражи его соучастниками.

При квалификации приготовления необходимо отличать его от не имеющего уголовно-правового значения обнаружения умысла. В данном случае само по себе высказывание намерения, не подкрепленное конкретными действиями, не может влечь за собой уголовную ответственность.

С учетом того, что приготовление к преступлению представляет собой только создание условий для его последующего совершения, данная стадия преступления представляет собой наименьшую по сравнению с другими степень общественной опасности. В ряде случаев эта степень настолько низка, что деяние не достигает уровня, присущего преступлению. Поэтому в ч. 2 ст. 30 УК РФ установлено, что уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести не влечет уголовной ответственности. Срок и размер наказания за приготовление к преступлению не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК за оконченное преступление (ч. 2 ст. 66 УК РФ). За приготовление к преступлению не могут назначаться смертная казнь и пожизненное лишение свободы (ч. 4 ст. 66 УК РФ).

Верховный Суд РФ дает разъяснения относительно того, что квалифицируется как приготовление к преступлению по различным видам деяний. Так, например, в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹ указаны признаки приготовления к коммерческому подкупу – обещание или предложение лица передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующего коррупционного преступления в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить предмет коммерче-

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013). // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

ского подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами. Если иные действия, направленные на реализацию обещания или предложения лица передать незаконное вознаграждение за совершение необходимых действий (бездействие), не были совершены по независящим от него обстоятельствам, то содеянное квалифицируется как приготовление к коммерческому подкупу.

По преступлениям террористической направленности Верховный Суд РФ в п. 22.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»¹ разъяснил, что само по себе прохождение обучения в террористической организации уже составляет собой оконченный состав ст. 205.3 УК РФ, но если вместе с обучением лицо совершает иные действия, направленные на создание условий для осуществления конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления террористической либо иной направленности, то указанные действия дополнительно квалифицируются как приготовление к данному преступлению.

Подделка официального документа для мошеннических действий квалифицируется по совокупности по части 1 статьи 327 УК РФ и по соответствующей статье, предусматривающей ответственность за мошенничество того или иного вида через ч. 1 ст. 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умыслом лица охватывалось использование подделанного документа для совершения мошеннических преступлений, предусмотренных частями 3, 4, 6

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016). // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

или 7 статьи 159, частями 3 или 4 статьи 159.1, частями 3 или 4 статьи 159.2 УК РФ либо частями 3 или 4 статьи 159.5 УК РФ¹.

Говоря о приготовлении к преступлению необходимо отметить, что его наличие говорит о том, что приготовление возможно только к умышленному преступлению. Причем наличие стадии приготовления уже само по себе указывает на то, что умысел на совершение преступления не внезапный, а осознанный, продуманный, чем он отличается от внезапно возникшего умысла. То есть приготовление к преступлению уже говорит о том, что лицо более опасно для общества, чем лицо, у которого возник внезапный умысел на совершение преступления.

Некоторые приготовления к преступлению уже сами по себе составляют преступления, например, деятельность организованных преступных формирований представляет собой непрерывную подготовку к совершению преступлениям, при этом повышенная опасность этой деятельности во многом обусловлена тем обстоятельством, что составляющие ее преступления совершаются ее участниками с заранее обдуманым умыслом². Здесь имеется в виду иная, чем предусмотренная уголовным законом, классификация видов умысла по иному основанию – моменту его возникновения, в соответствии с которой выделяют умысел заранее обдуманный и внезапно возникший.

Исходя из значимости этой классификации применительно к деятельности организованных преступных формирований, представляется необходимым придать ей статус законодательной и, соответственно, дополнить ст. 25 «Преступление, совершенное умышленно» УК РФ указанием на то, что умысел может быть также заранее обдуманным и внезапно возникшим:

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

² Белоцерковский С.Д. Направления оптимизации уголовного законодательства в контексте оптимизации системы правового регулирования борьбы с организованной преступностью. *Lex russica*. 2018. № 1. С. 126-143.

«Статья 25. Преступление, совершенное умышленно

1. Преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом, а также с заранее обдуман- ным или внезапно возникшим умыслом.

<...>

4. Преступление признается совершенным с заранее обдуманным умыслом, если лицо заранее приготавливало это преступление, то есть со- вершило одно или несколько действий, предусмотренных частью 1 статьи 30 настоящего Кодекса.

5. Преступление признается совершенным с внезапно возникшим умыслом в тех случаях, если умысел возник непосредственно перед со- вершением преступления и лицо заранее не приготавливало это преступ- ление».

Представляется, что произошедшее дополнение уголовного закона понятием «преступная деятельность» будет наиболее продуктивным, если оно будет сопровождаться внесением также других изменений и дополне- ний, среди которых наиболее значимым является установление уголовной ответственности юридических лиц, вопрос о необходимости и возможно- сти которой в теории уголовного права стал всерьез обсуждаться с начала 1990-х гг.¹

Положительно этот вопрос был решен в обоих предварительных проектах УК РФ, положенных в основу нового, ныне действующего УК РФ.

В заключение этого вопроса необходимо сделать следующие выво- ды.

1. Приготовление к преступлению – это совершение лицом деяния, направленного на умышленное создание условий для выполнения кон-

¹ Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 35; Он же. Предприятие на скамье подсудимых // Советская юстиция. 1992. № 17-18. С. 3; Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи. Под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова. М., 1994. С. 50-60.

кретного преступления, а равно условий для уклонения от уголовной ответственности за совершение задуманного преступления, либо условий, облегчающих иное постпреступное поведение, если при этом преступление не было совершено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

2. Признаками приготовления к преступлению являются: объективные признаки заключаются в начале реализации определенных действий, создающих условия для совершения преступления, но еще не входящих в обязательные признаки объективной стороны преступления, и эти действия не были доведены до конца по причинам, не зависящим от субъекта преступной деятельности; субъективные признаки – наличие прямого умысла.

§ 2. Виды и формы приготовления к преступлению

В юридической литературе не существует единого или хотя бы согласованного мнения исследователей по вопросу о видах приготовления к преступлению. Между тем, научная разработка этого вопроса представляется крайне актуальной и значимой не только для восполнения некоторого пробела в научном осмыслении проблем уголовной ответственности за неоконченное преступление, но и, прежде всего, для решения целого ряда практических задач, связанных с определением степени общественной опасности приготовления к преступлению.

Весьма распространена в науке классификация приготовления к преступлению в зависимости от объема, выполненных виновным лицом действий. Исходя из этого критерия, В.Д. Иванов выделяет завершенное, незавершенное и неудавшееся приготовление¹. По мнению автора, завершен-

¹ Иванов В.Д. Предупреждение и пресечение преступлений на различных стадиях преступлений. Ростов-на-Дону, 2000. С. 102-104.

ное приготовление представляет собой деятельность, содержащую в себе не только представление (мнение) субъекта о совершаемом деянии, но и выполнение в действительности всех необходимых действий (бездействия), создающих условия для непосредственного посягательства, которое при их использовании и способно привести к окончательному преступлению.

К незавершенному приготовлению ученый относит деятельность, которая не образует условий, необходимых для совершения окончательного преступления, как по мнению виновного, так и в действительности. С объективной стороны данный вид приготовления характеризуется невыполнением того объема действий, который был необходим для дальнейшего продолжения начатого преступления, а с субъективной стороны – тем, что лицо не успевает совершить тех действий, выполнение которых, по его мнению, было бы достаточным для непосредственного посягательства.

Неудавшееся приготовление, по мнению В.Д. Иванова, имеет место тогда, когда при полном невыполнении подготовительной деятельности не создаются условия, позволяющие достичь преступного результата, а неудавшееся приготовление связано с ошибкой субъекта относительно свойств посягательства, орудий, средств и способов совершения преступления.

По мнению А.И. Ситниковой, отнесение подготовительных действий к неудавшемуся приготовлению в силу ошибки в используемых орудиях, средствах и способах лишено смысла. Более того, – продолжает автор, – «концепция о трех видах приготовления может иметь следующие отрицательные последствия: во-первых, деление приготовления на виды будет способствовать переводу в разряд ненаказуемых подготовительных действий наказуемого покушения; во-вторых, такая концепция способна запутать юристов-практиков, в-третьих, деление приготовления на завершен-

ное, незавершенное и неудавшееся не согласуется с содержанием нормы о приготовлении к преступлению»¹.

Подобные возражения представляются не вполне убедительными по следующим причинам. Во-первых, основная критика в рассматриваемом случае направлена не на концептуальные положения предлагаемой классификации, а на приводимые В.Д. Ивановым примеры – частные случаи из судебно-следственной практики, которые, возможно, действительно не в полной мере могли проиллюстрировать представляемые тезисы. Во-вторых, потребность в классификации разновидностей приготовления обуславливается тем, что ее элементы могут определять различную степень общественной опасности соответствующих деяний, что непременно должно учитываться при назначении наказания. В-третьих, деление приготовления на виды никак не может «способствовать переводу в разряд ненаказуемых приготовительных действий наказуемого покушения». В-четвертых, существующая вероятность «запутать юристов-практиков», как научный аргумент против классификации разновидностей приготовления, видится, неконструктивным, поскольку:

а) правоприменители обязаны обладать таким уровнем профессионализма, который не позволит «запутаться» даже в самых тонких юридических материях;

б) проведение научных исследований в рассматриваемой сфере должно предопределяться не способностью отдельных правоприменителей воспринять необходимую информацию, а постоянно развивающимися потребностями государства, общества и каждого его члена в частности. В-пятых, проведенная в строгом соответствии с правилами квалификации и логики классификация разновидностей приготовления не может противоречить положениям института неоконченного преступления.

¹ Поротиков ДЮ. Неоконченное преступление: теоретические модели, законодательные конструкции и проблемы их применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 120.

П.Н. Панченко выделяет оконченное и неоконченное приготовление к преступлению. Оконченным, по его мнению, приготовление является тогда, когда виновный сделал все, что считал необходимым для перехода к непосредственному совершению преступления и, соответственно, приготовление будет неоконченным, если виновный только приступил к осуществлению приготовительных действий или, хотя и осуществил их, но не в полной мере¹.

В зависимости от причин, по которым не совершилось готовящееся преступление, исследователь в этой работе выделяет пресеченное, неудавшееся и отложенное (временно приостановленное) приготовление. Пресеченным, по его мнению, будет являться приготовление, которое было прервано усилиями работников милиции или других граждан; неудавшимся - когда лицу не удалось преодолеть препятствие, неожиданно возникшее у него на пути; отложенным (временно приостановленное) является такое приготовление к преступлению, когда лицо по каким-либо мотивам решило временно приостановить начавшуюся преступную деятельность.

Признавая научную ценность вышеизложенных позиций, следует учитывать достаточную степень условности и относительности любой классификации. Представляется, что в процессе выработки критерия деления приготовления на виды необходимо исходить, прежде всего, из его практической значимости и того, насколько точно выделенные разновидности классифицируемого понятия будут отражать сущность соответствующих посягательств. Думается, что в основу деления, отвечающего предъявленным требованиям, может быть положен объем выполненных деяний с учетом объективных и субъективных признаков рассматриваемого состава. На наш взгляд, при назначении наказания данный критерий в большей степени позволит учесть количественные показатели общественной опасности конкретных приготовительных действий. В этой связи

¹ Панченко, П.Н. Стадии совершения преступления: лекция. Н. Новгород, 1995. С.5.

представляется возможным выделить четыре разновидности приготовления к преступлению:

1. объективно и субъективно выполненное приготовление, когда все задуманные условия для совершения преступления объективно созданы, и данное обстоятельство осознается виновным. Например, выполнив все объективно необходимые и достаточные, по мнению виновного, приготовительные действия, он ожидает подходящего момента для начала выполнения объективной стороны посягательства;

2. объективно выполненное приготовление, когда виновный ошибочно полагает, что им не совершены все необходимые приготовительные действия. Например, приспособив орудие преступления, виновный ошибочно полагает, что для завершения процесса необходимо совершение дополнительных манипуляций, в то время как обрабатываемый предмет уже обладает свойствами, достаточными для использования его при посягательстве;

3. субъективно выполненное приготовление, когда виновный ошибочно полагает, что им совершены все необходимые приготовительные действия. Например, изготавливая средство преступления, виновный ошибочно полагает, что процесс завершен, в то время, как для придания необходимых, для осуществления посягательства, свойств создаваемому предмету необходимо совершение дополнительных манипуляций;

4. объективно и субъективно невыполненное приготовление, когда объективно созданы не все задуманные условия для совершения преступления и данное обстоятельство осознается виновным. Например, виновный, осуществляя приискание соучастников, не смог склонить к совместному совершению преступления ни одно лицо.

Можно привести в качестве примера дело, в котором кладовщик уговаривал своего друга совершить разбойное нападение на хозяина магазина, но тот не только не согласился, - он написал заявление о том, что готовится преступление. В связи с этим преступная деятельность кладовщика бы-

ла пресечена, он понес наказание за приготовление к разбойному нападению¹.

Элементы были расположены по нарастанию степени общественной опасности исследуемых посягательств: при прочих равных условиях, наибольшей степени общественной опасности обладают приготовительные действия первой группы; наименьшей – четвертой группы.

В ч. 1 ст. 30 УК РФ предусмотрены многочисленные формы приготовительных к преступлению действий, к которым относятся поиск средств или орудий преступления, создание условий его совершения и т.д.

Как указывает А.М. Зацепин, смысл указания в уголовном законе на иное умышленное создание условий для совершения преступления как признака приготовления к преступлению означает придание и предыдущим обстоятельствам роли таких же условий. Сначала приводятся отдельные криминально значимые условия, потом через разделительный союз «или» их перечень раскрывается и в общем виде говорится об ином создании условий. Получается, что сущностным признаком приготовления к преступлению является создание условий для совершения преступления. Их установление и влияет на дополнительную квалификацию приготовления к преступлению².

В уголовно-правовой литературе вопрос о содержании форм приготовления к преступлению изучен достаточно глубоко и подробно. Отметим лишь, что перечень приготовительных действий не носит исчерпывающего характера. Иное умышленное создание условий включает в себя: наблюдение за предполагаемым местом преступления (например, загородным домом) и потенциальной жертвой посягательства; составление плана местности; заблаговременное устранение препятствий (в частности, отключение телефонной связи, сигнализации или энергоснабжения); изготовление

¹ Цит. по: Зацепин А.М. Дополнительная квалификация приготовления к преступлению // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 3. С. 88.

² Зацепин А.М. Дополнительная квалификация приготовления к преступлению // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 3. С. 88.

фальшивого паспорта; приобретение парика, накладных усов и бороды для изменения внешности; обеспечение себе алиби и т.п. При этом следует исходить из того, что условия совершения преступления могут служить как облегчению совершения преступления, так и его сокрытию¹.

В 2018 году Конституционный Суд РФ дал разъяснение относительно того, какая совокупность форм приготовления к преступлению достаточна для установления его признаков². Так, Суд указал, что смыслу норм ч. 1 ст. 30 УК РФ, приготовление к преступлению предполагает наличие прямого умысла, направленного на совершение конкретного преступления. Это обязывает органы, осуществляющие уголовное преследование, доказать в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела не только сам факт приготовления к преступлению, но и наличие умысла на его совершение применительно к конкретному деянию (пункты 1 и 2 ч.1 ст. 73 УПК РФ).

Таким образом, признание виновным в приготовлении к преступлению возможно лишь в том случае, если в ходе производства по уголовному делу судом будет установлен факт того, что лицом предпринимались перечисленные в ч.1 ст.30 УК РФ действия, свидетельствующие о его намерении совершить преступление, которое лишь в силу не зависящих от этого лица обстоятельств не было доведено до конца. Об этом свидетельствуют определения Конституционного Суда в отношении жалобы А.Н. Никитина, Л.С. Бондарь, С.А. Фомина, А.И. Зверева, В.Ю. Ступникова³.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Под ред. д. ю. н., проф. А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2018. С. 30.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забиров Юрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 8, частью первой статьи 30, частью третьей статьи 33, пунктами «з», «к» части второй статьи 105, статьями 111 и 126 УК РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1450-О // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитина Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 № 573-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Бондарь Лидии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 30

В качестве примера квалификации деяния приготовления к преступлению (ч. 5 ст. 228.1 УК РФ за приготовление к незаконному сбыту наркотических средств) можно привести следующее дело: Пиров А.Х. как в ходе предварительного следствия, так и в судебном заседании полностью признал свою вину в приготовлении к незаконному сбыту героина и сразу при задержании указал на Ятимова М.М., участвовавшего в совершении преступления, сообщил место жительства Ятимова М.М. и номер его сотового телефона, сведения, подтверждающие участие последнего в совершении преступления, в том, числе то, что он – Пиров забирал свертки с героином у Ятимова М.М., либо в местах, указанных Ятимовым М.М., и отвозил в другие места, где оставлял в качестве тайников-закладок, сообщил также обстоятельства передачи Ятимовым М.М. ему героина 12 марта 2014 года, который он должен был хранить до получения указаний по телефону. Ятимов М.М. подтвердил показания Пирова А.Х. о том, что тот действовал по его указаниям, развозил свертки с героином по Москве и помещал его в тайники в условных местах¹. Приговор был вынесен по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ за приготовление к незаконному сбыту наркотических средств.

В другом деле суд осудил за приготовление в период с июня по сентябрь 2016 года в г. Москве в составе организованной группы (уголовное дело в отношении других участников группы выделено в отдельное произ-

Уголовного кодекса Российской Федерации, статьей 146 и частью седьмой статьи 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1464-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 № 408-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зверева Алексея Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 30 и пунктом «г» части третьей статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2164-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ступникова Вадима Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьями 29 и 30 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Определение Верховного Суда РФ от 05.07.2018 № 5-УД18-85 // СПС «КонсультантПлюс».

водство) к совершению террористического акта. Жумабаев С., являясь сторонником идей международной организации «Исламское государство», которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, и желая реализовать эти идеи на практике, в мае 2016 года вступил в г. Москве в структурное подразделение террористической организации, а в конце июня 2016 года – в террористическое сообщество, целями которого являлись подготовка к совершению террористических актов, вовлечение лиц к участию в деятельности террористической организации и к участию на территории Сирийской Арабской Республики в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

В целях реализации задуманного Жумабаев С. в июне – августе 2016 года склонял к принятию идеологии террористической организации «Исламское государство» и вовлечению в ее деятельность А. (псевдоним), вместе с сообщниками участвовал в конспиративных сборах, а также в разработке плана совершения 18 сентября 2016 г. в г. Москве в составе организованной группы террористического акта путем подрыва автомобиля с военнослужащими при помощи самодельного взрывного устройства, приискивая в связи с этим объект для совершения взрыва и выбирая время, место, способ совершения преступления и участников его совершения. Однако довести задуманное до конца Жумабаев С. не смог в связи с задержанием 6 сентября 2016 г.¹

Говоря о приготовлении к преступлению, следует отличать его от ошибочной преступной деятельности. М.М. Канаев, рассуждая об ошибках в уголовной сфере, говорит о множественности значения этого термина, начиная с того, что само преступление уже является ошибкой в значении неверного поведения лица в данных обстоятельствах. Из почти любой за-

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 06.02.2018 № 201-АПУ18-1 // СПС «КонсультантПлюс».

данной системы конкретных жизненных обстоятельств субъект преступления может выйти, не совершая преступления, однако, он для себя решает поступить именно таким противозаконным образом. Далее, если при этом он желает совершить одно преступление, но совершает другое (красть золотое кольцо, а ворует бижутерию) – он также совершает ошибку, но уже неосознанно, поскольку его преступные намерения и все действия были связаны с реализацией изначально определенного умысла. То есть ошибка в уголовном праве – есть добросовестное неосознанное заблуждение лица относительно отдельного элемента его преступной деятельности¹.

Ошибкой в уголовном праве считается неправильное представление относительно юридического значения совершенного деяния в целом или его существенных обстоятельств. Ошибки выделяются в связи с тем, что они могут повлиять на вину лица.

В теоретическом смысле основным вопросом является отграничение понятие уголовно-правовой ошибки от заблуждения. Если снова обратиться к философии, то можно отметить, что истинной или ложностью утверждения или убеждения проверяется доказательствами – если утверждение ошибочно, оно не получит подтверждения. Философия уделяет значительное внимание исследованию ошибочных представлений субъекта и их определению. Как правило, ошибочным считается убеждение субъекта, не подтвержденное фактическими обстоятельствами дела. При этом механизм образования в сознании субъекта этого неверного представления до сих пор остается не изученным. Очевидно, что на основе заранее искаженных обстоятельств субъект делает вполне логичные выводы и домысливает остальное на основе изначально неверных посылок. То есть с точки зрения теории аргументации рассуждения субъекта логичные, просто они по-

¹ Канаев М.М. Уголовно-правовые ошибки // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2015. – № 3. – С. 720.

строены на изначально неверных посылах¹. Ошибка – есть искаженная действительность, это заблуждение относительно истины.

Наличие истины и заблуждения являются проявлением дуализма борьбы противоположности. Ложь и ошибка существуют лишь постольку, поскольку существует истина. И ошибка, и истина представляют собой путь рассуждений, но истинное знание построено логично на верных посылах, тогда как ошибка – есть или искажение посылок, или искажение логичного пути к выводам.

Говоря о философской основе ошибки в уголовном праве необходимо различать ложь и заблуждение. Еще древнегреческий философ Эпикур не делал различия между ними, за что был подвергнут критике, поскольку очевидно, что ложь – есть умышленное искажение действительности, тогда как заблуждение неосознанно². И именно заблуждение квалифицируется в уголовно-правовой квалификации как ошибка, поскольку ложь встречается уже на стадии предварительного расследования, когда преступник пытается умышленно исказить сведения о совершенном им преступном деянии с целью избежать уголовную ответственность или снизить суровость наказания.

Более детальное изучение человеческой природы заблуждения было проведено в философии средних веков. Так, знаменитый философ Ф. Бэкон в своем сочинении «Новый органон» писал о различных видах заблуждения – проистекающих из природы человеческой психики (ошибка восприятия), из природы раболепия перед авторитетами (непреклонное принятие за основу чужого мнения), заблуждения, основанные на общественном мнении и стереотипе (если носят украшения, то они золотые), ошибки, вызванные традициями и воспитанием и т.д.³

¹ Якушин В. А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. – Казань, 1998. – С. 12.

² Онищук М.М. Ошибка и заблуждение в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 2. – С. 176.

³ Бэкон Ф. Сочинения, Т. 2. – М., 1972. – С. 223.

Более четкую классификацию ошибок делает другой философ – Дж. Локк, который делит все ложные представления на добросовестные заблуждения и ошибки. То есть процесс познания человеком реальности построен на элементарном восприятии ее через пять органов чувств и выводах, основанных на личном жизненном опыте. Эти выводы делаются, как правило, неосознанно, автоматически в весьма обычных ситуациях. Источником ошибки будет либо искаженное восприятие предмета, либо искаженная форма мышления о нем, неправильное применение уже имеющегося прошлого опыта к данной ситуации. Ученый предлагает работать с ошибками такого плана посредством очищения прошлого опыта и формирования методологического подхода к анализу каждой конкретной ситуации. При этом эти рассуждения годны для добросовестных заблуждений, для умышленных ошибок механизм формирования их совсем иной, он связан с осознанным введением субъектом в заблуждение всех окружающих. Этот процесс осмыслен, завуалирован и имеет совершенно иную, волевою природу, поэтому он не нуждается в столь подробном анализе¹.

Дж. Милль, рассуждая о заблуждениях, говорит, что природа ошибок человека как добросовестного заблуждения, зачастую имеет социальную природу, основанную на скованности свободы слова, на запрете говорить правду и выражать мысли неудобным способом под риском быть наказанным со стороны власти. То есть философ проводит параллели между государственным и социальным строем и особенностью истинного мышления рядовых граждан. К уголовному праву эта концепция применима относительно, поскольку в уголовно-правовой сфере ошибка может иметь также юридический характер, основанный на неправильном представлении смысла и последствий своих действий, исходя из полученного социального опыта.

Исследование видов и форм приготовления к преступлению позволило сделать следующие выводы:

¹ Локк. Дж. Сочинения. Т. 2. – М., 1988. – С. 312.

Во-первых, в зависимости от объема, выполненных виновным лицом действий выделяется завершенное, незавершенное и неудавшееся приготовление; оконченное и неоконченное приготовление к преступлению.

Во-вторых, в зависимости от причин, по которым не совершилось готовящееся преступление, исследователь в этой работе выделяет пресеченное, неудавшееся и отложенное (временно приостановленное) приготовление;

В-третьих, предлагается авторская классификация приготовления к преступлению на следующие четыре формы:

а) объективно и субъективно выполненное приготовление, когда все задуманные условия для совершения преступления объективно созданы, и данное обстоятельство осознается виновным;

б) объективно выполненное приготовление, когда виновный ошибочно полагает, что им не совершены все необходимые приготовительные действия;

в) субъективно выполненное приготовление, когда виновный ошибочно полагает, что им совершены все необходимые приготовительные действия;

г) объективно и субъективно невыполненное приготовление, когда объективно созданы не все задуманные условия для совершения преступления и данное обстоятельство осознается виновным.

В-четвертых, закрепить законодательно классификацию умышленной деятельности, для чего дополнить ст. 25 УК РФ положениями о заранее обдуманном и внезапном умысле.

Внесение указанных изменений позволит совершенствовать уголовную ответственность за приготовление к преступлению.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

§ 1. Разграничение приготовления к преступлению и покушения на преступление

Приготовление к преступлению, равно как и покушение на преступление, являются стадиями неоконченной преступной деятельности. При этом нормы частей 1 и 3 ст. 30 УК РФ сформулированы весьма похоже, – приготовление – это совершение подготовительных действий для преступления, тогда как покушение – это уже непосредственное выполнение объективной стороны преступления. Провести грань между тем, входили те или иные действия в непосредственное выполнение объективной стороны преступления (как покушение на него) или же все еще оставались охваченными понятием приготовлением к нему, остается сложной задачей при квалификации неоконченного преступления.

Так, Н.А. Карпова следующим образом предлагает разграничивать покушение на преступление от приготовления к нему:

1) на подготовительной стадии нет непосредственного посягательства на объект, тогда как при покушении на преступление субъект преступной деятельности уже непосредственно покушается на объект преступления, например, стреляет и промахивается, то есть он пытается причинить вред. Если он просто взял пистолет с намерением в дальнейшем выстрелить и был задержан – будет иметь место приготовление к преступлению;

2) подготовительная стадия заканчивается созданием условий для дальнейшей преступной деятельности, тогда как покушение на преступление – это уже начало той самой преступной деятельности, к которой готовился преступник. То есть действия, которые были выполнены в стадии приготовления, еще не входят в объективную сторону преступления, а при

покушении все действия субъекта входят в объективную сторону как необходимые ее элементы¹.

Именно по этому признаку допускается самое большое число ошибок в правоприменительной практике при отграничении подготовительной преступной деятельности от покушения на преступление. Одни и те же действия в зависимости от направленности умысла будут иметь различную квалификацию. Так, если преступник проник в квартиру с целью дальнейшей кражи, но был задержан, то его действия будут квалифицированы как покушение на кражу, поскольку проникновение в жилище будет являться одним из признаков ее объективной стороны. Но если преступник проник в квартиру с целью убийства человека и был задержан, то, кроме ответственности за незаконное проникновение в жилище, что уже само по себе составляет преступление, он понесет ответственность за приготовление к убийству, поскольку он создал условия для убийства, но не приступил к выполнению объективной стороны, то есть не начал выполнять действия, непосредственно направленные на лишение жизни потерпевшего.

Рассматривая проблемные вопросы квалификации угона автотранспорта П.С. Яни пишет, что весьма сложно разграничить на стадии неоконченного преступления покушение или приготовление к угону или же к хищению транспортного средства, поскольку начало выполнения объективной стороны обоих преступлений совпадает².

Верховный Суд РФ в своем постановлении, посвященном квалификации угона транспортных средств, указал, что как покушение на угон транспортного средства надлежит квалифицировать действия лица, которое пыталось взломать сигнализацию, завести двигатель либо с целью угона начать движение, если действия этого лица были пресечены или по иным независящим от него обстоятельствам ему не удалось реализовать преступный умысел на использование транспортного средства в личных

¹ Карпова Н.А. Неоконченная преступная деятельность (понятие и проблемы квалификации) / отв. ред. Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2017. С. 13.

² Яни П.С. Конец преступления // Законность. 2016. № 10. С. 48.

интересах без цели хищения¹. По сути, эти действия направлены на приготовление к угону, что осложняет разграничение стадий неоконченного преступления – П.С. Яни указывает, что не решен вопрос о том, насколько правоприменитель вправе отодвинуть вглубь подготовительных действий границу объективной стороны угона автомобиля или иного транспортного средства.

Этот вопрос, как и во всех иных случаях, существенно осложнен неопределенностью законодательных критериев разграничения приготовления к преступлению (подготовительной деятельности) и покушения на него (начала выполнения объективной стороны). Что нередко не позволяет однозначно решить, являются действия лица еще только создающими условия для совершения преступления (ч. 1 ст. 30 УК) или уже непосредственно направленными на его совершение (ч. 3 ст. 30 УК)².

Приготовление к преступлению часто путают с мнимым преступлением. Обычно в уголовно-правовой литературе под мнимым преступлением понимают ошибочное представление лица о том, что содеянное им является преступным, в то время как такое действие не признается противоправным. В этом случае уголовная ответственность не наступает, так как фактически совершенные действия не являются объективно общественно опасными, а потому они и не могут повлечь уголовную ответственность для лица, их учинившего. В подобных случаях отсутствует вина, ибо нет объективного основания – преступление не совершено, и противоправность деяния отсутствует. Такая ошибка в юридической литературе именуется юридической.

Тем не менее в правоприменительной практике это, казалось бы, простое положение, подвергается сомнению и иной интерпретации ввиду

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : п.20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

² Яни П.С. Квалификация угона // Законность. 2017. № 10. С. 39.

того, что ошибочное представление лица о правовой сущности или правовых последствиях своего деяния зачастую трудно отличить от фактической ошибки в предмете преступного посягательства. Об этом свидетельствует пример из судебной-следственной практики.

Б. обвинялся в том, что 30 декабря 2013 г. без цели сбыта незаконно приобрел особо опасное психотропное вещество QСВL(№)-2201 массой 3 г, часть которого потребил, а 2,0104 г хранил и перевозил до момента задержания. Свой умысел, направленный на оборот психотропных веществ, Б. до конца не довел по не зависящим от него обстоятельствам, поскольку на момент преступления QСВL(№)-2201 не было включено в соответствующий перечень наркотических средств. То есть на момент совершения преступления самого преступления не было, деяние было не криминализовано, в связи с чем лицо было оправдано.

Прокурор обжаловал приговор суда, указав, что умысел Б. был направлен на незаконный оборот наркотиков, что делает лицо общественно опасным и требует адекватного реагирования со стороны уголовного закона. Прокурор требовал осудить Б. за покушение на совершение преступления в сфере незаконного оборота наркотиков

Однако, суды апелляционной и надзорной инстанций оставили оправдательный приговор в силе¹.

В судебной практике имеются примеры, когда Верховный Суд отменял приговоры судов в связи с неправильным определением стадии неоконченной преступной деятельности. Так, в одном деле Президиум Верховного Суда РФ переквалифицировал действия П. с ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 33 и ч. 1 ст. 126 УК на ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33 и ч. 1 ст. 126 УК по следующим основаниям. Суд правильно установил фактические обстоятельства, при которых П., имея умысел на похищение потерпевшего, лишь приискал соучастников преступления и средства для осуществления преступления, од-

¹ Хилюта В.В. Мнимое преступление или фактическая ошибка? // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 103-110.

нако довести его до конца не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку соучастники отказались от доведения преступления до конца, и П. был задержан сотрудниками правоохранительных органов. Совершенные П. действия подпадают под признаки приготовления к преступлению¹.

Следует согласиться с Е.В. Шибановой, которая указывала на исключительную роль разъяснений Пленума Верховного Суда по различным видам преступлений, в которых даются ориентиры по разграничению стадий неоконченного преступления – покушения на преступление от приготовления к нему². Роль разъяснений Верховного Суда РФ сложно переоценить в условиях сложности трактовки различных этапов неоконченных преступлений.

Для решения проблем смешения стадий приготовления к преступлению и покушения на преступление некоторые авторы предлагают радикальное решение – отказаться от деления неоконченного преступления на стадии. Так, А.И. Ситникова пишет, что идея стадийности неоконченного преступления осуждается многими современными авторами – Н.Ф. Кузнецовой³, Р.Р. Галиакбаровым⁴ и некоторыми другими, которые говорят о том, что у неоконченной деятельности не может быть стадий, которые уже сами по себе свидетельствуют об определенном этапе какой-либо деятельности. Если эта деятельность не окончена, у нее не может быть этапов⁵.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 01.11.2000 № 251п2000 // СПС «КонсультантПлюс».

² Шибанова Е.В. Роль Верховного Суда РФ в нивелировании пробелов законодательной техники УК РФ и УПК РФ // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 48.

³ Кузнецова Н.Ф. Оконченное и неоконченное преступление // Курс уголовного права. Часть Общая. М., 1999. С. 362.

⁴ Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 175.

⁵ Ситникова А.И. Глава "Неоконченное преступление" УК РФ и ее законодательно-текстологическое обоснование // Lex russica. 2015. № 11. С. 83-95.

Во-первых, приготовление к преступлению, равно как покушение на преступление, составляют последовательные этапы неоконченного преступления в модели стадийного подхода к неоконченному преступлению в российском уголовном законе.

Во-вторых, отличие приготовления к преступлению от покушения заключается в наличии обязательных элементов объективной стороны, которые являются существенными для квалификации преступления. Если обязательные для квалификации элементы объективной стороны уже были выполнены субъектом преступной деятельности, то деяние будет квалифицировано как покушение на преступление, что исключает квалификацию как приготовления к нему. Все остальные действия, которые были совершены до начала покушения, входят к стадию приготовления к преступлению.

§ 2. Особенности назначения наказания за приготовление к преступлению

Включение в уголовный закон положений о неоконченном преступлении, в частности дифференциация уголовной ответственности за приготовление к преступлению и за покушение на него, преследует единственную цель – цель индивидуализации уголовного наказания. Легального определения термина «индивидуализация наказания» либо «индивидуализация уголовной ответственности» в современном уголовном законе не приводится, но согласно общим правилам назначения наказания, которые содержатся в главе 10 УК РФ, дают возможность сделать вывод, что уголовное наказание назначается индивидуально каждому конкретному субъекту преступления, исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела¹.

¹ Велиев С. А. Индивидуализация уголовного наказания // Законность. 2014. № 2. С. 16.

Критерии индивидуализации уголовного наказания в российском уголовном законе определены в нормах главы 12 и 14 УК РФ. И при том, что индивидуализация уголовного наказания является одним из ведущих критериев назначения уголовного наказания, принцип индивидуализации не закреплен в УК РФ в качестве базового, что, несомненно, является недостатком уголовного закона, поскольку он является одним из основных при установлении вида уголовного наказания из перечня, предлагаемого санкцией уголовной нормы, а также определения размера уголовного наказания. Индивидуализация уголовной ответственности позволяет дифференцированно подходить к вынесению уголовного наказания при вынесении приговора судьей. То есть принцип индивидуализации уголовного наказания и уголовной ответственности должен быть обязательно закреплен в нормах УК РФ.

Индивидуализация уголовной ответственности играет существенную роль в уголовном праве и, как следствие, в уголовно-исполнительном законодательстве. Индивидуализация уголовного наказания не дает формально подходить к назначению уголовного наказания, позволяет реализовывать принципы гуманизма, справедливости и даже принцип вины при определении меры уголовной ответственности субъекта преступления. Принцип индивидуализации уголовного наказания предполагает персонализацию уголовной ответственности, что, среди прочего, позволяет достигать целей уголовного наказания – воздействие на осужденного для его исправления, – наиболее эффективным образом¹.

Индивидуализация уголовного наказания проявляется в положениях ст. 66 УК РФ, предусматривающей особенности назначения наказания за неоконченное преступление, причем принцип такой – за приготовление к преступлению наказание назначается не более, чем в половине от максимального по статье, а за покушение – не более $\frac{3}{4}$ максимального его размера.

¹ Велиев С. А. Индивидуализация уголовного наказания // Законность. 2014. № 2. С. 18.

При назначении наказания за приготовление к преступлению следует учитывать, что сама ответственность наступает только за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ), то есть отечественная модель наказуемости приготовления к преступлению не воспринимает приготовление к преступлениям средней и небольшой тяжести как уголовно-наказуемое деяние.

Ограничение наказуемости приготовления мотивируется тем, что на практике давно и стабильно наказываются приготовления к наиболее тяжким преступлениям. На наш взгляд, данный аргумент не выдерживает критики, так как практика применения уголовно-правовых предписаний зачастую демонстрирует не достижения, а недостатки. Если следовать практике, то необходимо декриминализовать все преступления, которые не попадают в поле зрения сотрудников правоохранительной системы, слабо выявляются, недостаточно предупреждаются и крайне редко пресекаются. В данном случае правоохранительная практика – не критерий истины, а ее антипод, так как отражает узковедомственные интересы, недостаточный уровень профессиональной подготовки, коррумпированность. Такая практика тесно связана с фальсификацией отказных материалов, укрытием от учета преступлений и высокой латентностью преступности. Указанные особенности правоохранительной практики подтверждают судьи, работники прокуратуры, следственного комитета и аппарата МВД пяти регионов.

Дифференциация приготовительных действий на наказуемые и ненаказуемые противоречит принципу неотвратимости ответственности и предоставляет лицам, склонным к совершению преступлений, возможность безнаказанно осуществлять приготовление к наиболее распространенным преступлениям небольшой и средней тяжести. Опрос сотрудников уголовного розыска в ряде областей (Орловская, Курская, Тульская, Белгородская, Ленинградская) показал, что оперативная работа по выявлению лиц, готовящихся к преступлениям небольшой и средней тяжести, не осуществляется. При этом ряд опрошенных сотрудников высказали мысль, что при-

готовление к преступлениям, не представляющим высокой общественной опасности, зачастую ведет к совершению тяжких и особо тяжких преступлений, поскольку умысел во время исполнения преступления может трансформироваться в зависимости от обстоятельств, например, приготовительные действия к краже из охраняемого помещения могут перерасти в разбой, в том числе сопряженный с убийством.

Несмотря на высокую вероятность таких трансформаций и криминальных эксцессов, особенно при совершении групповых преступлений, сотрудники оперативных аппаратов полагают, что выявление и предупреждение приготовительных действий к преступлениям небольшой и средней тяжести не входит в их компетенцию. В результате из поля зрения сотрудников уголовного розыска выпадает около 300 составов преступлений, приготовление к которым ненаказуемо. Настораживающие сведения получены в процессе тестирования студентов семи орловских вузов и юридических факультетов. Около 40% тестируемых лиц на "провокационный" вопрос, какие покушения по действующему УК РФ ненаказуемы, ответили: покушения на преступления небольшой или средней тяжести, а большая часть слушателей Орловского юридического института МВД России (86,3%) указали, что приготовление к любым преступлениям ненаказуемо. Отмеченные факты показывают, что ч. 2 ст. 30 УК РФ не способствует реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности, так как создает "расщепление" приготовления к преступлению на преступное и не преступное, вносит путаницу в представления о наказуемости приготовительных действий и покушений, способствует пассивности и безынициативности лиц, призванных выявлять, предупреждать и пресекать предварительную преступную деятельность¹.

Таким образом, декриминализация приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести приводит к тому, что эти преступления

¹ Ситникова А.И. Глава "Неоконченное преступление" УК РФ и ее законодательно-текстологическое обоснование // Lex russica. 2015. № 11. С. 86.

совершенно спокойно и ненаказуемо готовятся соответствующими лицами, к которым разве что применяются меры криминологического профилактического характера, но не ответственности, пусть даже не уголовной.

Некоторые авторы весьма обоснованно критикуют модель разграничения стадий неоконченного преступления, говоря о том, что стадийность неоконченного преступления вносит только путаницу в вопросы квалификации, которая, прежде всего, выливается в нарушения правил назначения наказания при неоконченном преступлении.

Практика сама находит выходы из сложившейся ситуации, вырабатывая определенные стереотипы вынесения приговора при сходных обстоятельствах. Так, В.Н. Воронин, продолжая мысль о ненужности разграничения неоконченного преступления на приготовление и покушение, предлагает выделять просто ответственность за неоконченное преступление, при этом в ч. 1 ст. 66 УК РФ внести следующее предложение: "При назначении наказания за неоконченное преступление учитывается степень осуществления преступного намерения"¹. С автором можно согласиться уже потому, что действительно, в приговорах судов, как правило, при назначении уголовного наказания учитывается именно степень осуществления преступного намерения, которая выражается в оконченности или неоконченности покушения, а также характер и степень наступивших последствий при оконченном покушении. Относительно обстоятельств, в силу которых преступление не было доведено до конца, суды ограничиваются лишь указанием, что они не зависели от воли виновного. Так, у Ф. в ходе ссоры возник умысел на убийство К., и он, реализуя свое преступное намерение на причинение смерти, взял кухонный нож и попытался нанести им удар К. в область груди, однако достичь преступного результата и лишить жизни К.Н. он не смог, так как промахнулся. Продолжая реализацию своего преступного умысла, Ф. нанес К. второй удар ножом в область гру-

¹ Воронин В.Н. Критерии индивидуализации наказания за неоконченное преступление (ч. 1 ст. 66 УК РФ) // Адвокат. 2016. № 9. С. 44-48.

ди, в результате чего причинил ему телесное повреждение в виде проникающего колото-резаного ранения грудной клетки. Считая, что причиненные им телесные повреждения повлекут смерть, Ф. прекратил свои преступные действия и оставил пострадавшего умирать. Виновному назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 6 лет 6 месяцев¹.

В другом примере Ш. после ссоры с сыном И., находясь в состоянии алкогольного опьянения, с целью умышленного убийства последнего вооружился пригодным для стрельбы охотничьим ружьем и, увидев из своей комнаты через вставку матового стекла двери находившегося за ней И., произвел в него через стекло один выстрел. Ш. не довел свой преступный умысел до конца по независящим от него обстоятельствам и не причинил смерть И. Виновному назначено наказание ниже низшего предела в виде 4 лет лишения свободы².

Таким образом, можно признать целесообразным дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания"³ разъяснение следующего содержания: "Обратить внимание судов, что специальным критерием индивидуализации наказания за неоконченное преступление является степень осуществления преступного намерения.

При приготовлении к преступлению судам следует оценивать количество предпринятых лицом приготовительных действий, их достаточность для возможности осуществить посягательство; при покушении на преступление необходимо оценивать близость наступления преступных последствий, а при наступлении последствий – их тяжесть.

¹ Приговор Семикаракорского районного суда Ростовской области от 19 октября 2011 г. по делу № 1-52/2011 г. – URL: <https://rospravosudie.com/court-semikarakorskij-rajonnyj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-100931992/>

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Белгородского областного суда от 2 ноября 2011 г. - URL: <https://rospravosudie.com/court-belgorodskij-oblastnoj-sud-belgorodskaya-oblast-s/act-103773699/>

³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

Также судам следует учитывать вид покушения: оконченное или неоконченное. Оконченное покушение должно наказываться строже при прочих равных обстоятельствах".

Внесение указанных изменений позволит соблюдать принцип индивидуализации уголовного наказания при вынесении приговора за совершение неоконченного преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Анализ истории уголовной ответственности за приготовление к преступлению позволил сделать следующие выводы.

– в уголовном законодательстве X-XVII веков отсутствуют нормы о приготовлении к преступлению. Вместе с тем в этот период уголовно наказуемыми признавались наиболее опасные виды преступлений, не получившие своего завершения;

– целесообразно отметить принципиально новые для уголовно-правовой теории подходы к определению стадий совершения предварительной преступной деятельности. В противовес ранее действовавшим нормативным актам доктрина уголовного права уже рассматривала приготовление к преступлению и покушение на преступление в качестве самостоятельных стадий совершения преступления;

– существенные изменения претерпела конструкция уголовной ответственности за приготовление к преступлению. На протяжении недолгого периода, начиная с 1919 г. по 1928 г., советское законодательство предусматривало три конструкции уголовной ответственности за приготовление к преступлению: а) полная безнаказанность приготовительных действий (УК РСФСР 1922 г.); б) наказуемость приготовления в порядке исключения, когда приготовительные к преступлению действия совершило социально опасное лицо (поправка к ст.12 УК РСФСР 1922 г., внесённая в 1923 г.); в) наказуемость приготовления наравне с покушением и оконченным преступлением (УК РСФСР 1926 г. и в дальнейшем УК 1960 г.).

2. Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства об уголовной ответственности за приготовление к преступлению сделал следующие выводы:

– большинство зарубежных кодексов не выделяют приготовления к преступлению и не назначают за него уголовной ответственности. Как правило, в Общей части зарубежных Уголовных кодексов провозглашается уголовная ответственность за покушение на преступление, а наказание за приготовление распространяется лишь на некоторые, исключительные преступления (в основном, относящиеся к государственным преступлениям).

– отсутствие уголовной ответственности за приготовительные действия в законодательстве большинства зарубежных стран заменяется расширением формулировки покушения на совершение преступления. Несмотря на некоторые различия в определении покушения на преступление, оно сводится к достаточно широкому понятию «начало исполнения». Это позволяет включать в него действия, которые в нашем уголовном законодательстве могут признаваться лишь приготовлением к совершению преступления.

3. По итогам анализа понятия, признаков и уголовно правового значения приготовления к преступлению были сделаны следующие выводы:

– приготовление к преступлению – это совершение лицом деяния, направленного на умышленное создание условий для выполнения конкретного преступления, а равно условий для уклонения от уголовной ответственности за совершение задуманного преступления, либо условий, облегчающих иное постпреступное поведение, если при этом преступление не было совершено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам;

– признаками приготовления к преступлению являются: объективные признаки заключаются в начале реализации определенных действий, создающих условия для совершения преступления, но еще не входящих в обязательные признаки объективной стороны преступления, и эти действия не были доведены до конца по причинам, не зависящим от субъекта преступной деятельности; субъективные признаки – наличие прямого умысла;

– значение квалификации приготовления к преступлению как стадии неоконченной преступной деятельности имеет для назначения наказания виновному.

4. Исследование видов и форм приготовления к преступлению позволило сделать следующие выводы:

– в зависимости от объема, выполненных виновным лицом действий выделяется завершенное, незавершенное и неудавшееся приготовление; оконченное и неоконченное приготовление к преступлению;

– в зависимости от причин, по которым не совершилось готовящееся преступление, исследователь в этой работе выделяет пресеченное, неудавшееся и отложенное (временно приостановленное) приготовление;

– предлагается авторская классификация приготовления к преступлению на следующие четыре формы: объективно и субъективно выполненное приготовление, когда все задуманные условия для совершения преступления объективно созданы, и данное обстоятельство осознается виновным; объективно выполненное приготовление, когда виновный ошибочно полагает, что им не совершены все необходимые приготовительные действия; субъективно выполненное приготовление, когда виновный ошибочно полагает, что им совершены все необходимые приготовительные действия; объективно и субъективно невыполненное приготовление, когда объективно созданы не все задуманные условия для совершения преступления и данное обстоятельство осознается виновным:

– исходя из значимости этой классификации применительно к деятельности организованных преступных формирований, представляется необходимым придать ей статус законодательной и, соответственно, дополнить ст. 25 «Преступление, совершенное умышленно» УК РФ указанием на то, что умысел может быть также заранее обдуманым и внезапно возникшим:

«Статья 25. Преступление, совершенное умышленно

1. Преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом, а также с заранее обдуман- ным или внезапно возникшим умыслом.

<...>

4. Преступление признается совершенным с заранее обдуманным умыслом, если лицо заранее приготавливало это преступление, то есть со- вершило одно или несколько действий, предусмотренных частью 1 статьи 30 настоящего Кодекса.

5. Преступление признается совершенным с внезапно возникшим умыслом в тех случаях, если умысел возник непосредственно перед со- вершением преступления. и лицо заранее не приготавливало это преступ- ление».

Представляется, что произошедшее дополнение уголовного закона понятием «преступная деятельность» будет наиболее продуктивным, если оно будет сопровождаться внесением также других изменений и дополне- ний, среди которых наиболее значимым является установление уголовной ответственности юридических лиц, вопрос о необходимости и возможно- сти которой в теории уголовного права стал всерьез обсуждаться с начала 1990-х гг.

5. По итогам рассмотрения вопросов о разграничении приготовления к преступлению и покушения на преступление, можно сделать следующие выводы;

– приготовление к преступлению, равно как покушение на преступ- ление, составляют последовательные этапы неоконченного преступления в модели стадийного подхода к неоконченному преступлению в российском уголовном законе;

– отличие приготовления к преступлению от покушения заключается в наличии обязательных элементов объективной стороны, которые явля- ются существенными для квалификации преступления. Если обязательные для квалификации элементы объективной стороны уже были выполнены

субъектом преступной деятельности, то деяние будет квалифицировано как покушение на преступление, что исключает квалификацию как приготовления к нему. Все остальные действия, которые были совершены до начала покушения, входят к стадию приготовления к преступлению.

6. По итогам исследования особенностей назначения наказания за приготовление к преступлению были сделаны следующие выводы:

– уголовная ответственность наступает только за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ), то есть отечественная модель наказуемости приготовления к преступлению не воспринимает приготовление к преступлениям средней и небольшой тяжести как уголовно-наказуемое деяние;

– как следствие – правоохранительные органы пассивно относятся как к фактам выявления приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести, так и к деятельности по их предупреждению;

– предлагается установить единую ответственность за неоконченное преступление, при этом в ч. 1 ст. 66 УК РФ внести следующее предложение: "При назначении наказания за неоконченное преступление учитывается степень осуществления преступного намерения";

– для индивидуализации наказания в зависимости от степени окончания покушения на преступление предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" разъяснение следующего содержания: "Обратить внимание судов, что специальным критерием индивидуализации наказания за неоконченное преступление является степень осуществления преступного намерения.

При приготовлении к преступлению судам следует оценивать количество предпринятых лицом приготовительных действий, их достаточность для возможности осуществить посягательство; при покушении на преступление необходимо оценивать близость наступления преступных последствий, а при наступлении последствий – их тяжесть.

Также судам следует учитывать вид покушения: оконченное или неоконченное. Оконченное покушение должно наказываться строже при прочих равных обстоятельствах".

Внесение указанных изменений позволит соблюдать принцип индивидуализации уголовного наказания при вынесении приговора за совершение неоконченного преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
3. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 08.04.1989) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6.
4. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года : Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 01.12.1934) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
5. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.
6. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР : Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
7. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
8. О набатном звоне : Постановлении СНК от 30.07.1918 года // СУ РСФСР. 1918. № 24. Ст. 415.
9. О спекуляции : Декрет СНК РСФСР от 22.07.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 54. Ст. 605.
10. О взяточничестве : Декрет СНК РСФСР от 08.05.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467.

11. О саботаже чиновников Министерства продовольствия : Обращение СНК от 05.12.1917 года // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 47.
12. Уголовный кодекс Голландии. - СПб., 2001. - 257 с.
13. Уголовный кодекс КНР / Под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс. 2001. - 275 с.
14. Уголовный кодекс Республики Болгарии. - СПб., 2001. - 237 с.
15. Уголовный кодекс Республики Польша. - М., 1998. - 266 с.

II. Монографии, учебники и учебные пособия

16. Адельханян, Р.А. Преступность деяния по международному уголовному праву / Р.А. Адельханян. - М., 2002. - 314 с.
17. Галиакбаров, Р.Р. Уголовное право. Общая часть / Р.Р. Галиакбаров. - Краснодар, 1999. - 592 с.
18. Иванов, В.Д. Предупреждение и пресечение преступлений на различных стадиях преступлениях / В.Д. Иванов. - Ростов-на-Дону, 2000. - 266 с.
19. Карпова, Н.А. Неоконченная преступная деятельность (понятие и проблемы квалификации) / Н.А. Карпова. - М.: Юриспруденция, 2017. – 80 с.
20. Козлов, А.П. Учение о стадиях преступления / А.П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. - 457 с.
21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. д. ю. н., проф. А.И. Чучаева. - М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2018. - 685 с.
22. Кузнецова, Н.Ф. Оконченное и неоконченное преступление / Н.Ф. Кузнецова // Курс уголовного права. Часть Общая. - М., 1999. - 771 с.
23. Назаренко, Г.В. Неоконченное преступление и его виды. Монография / Г.В. Назаренко, А.И. Ситникова. - М.: Ось-89, 2003. - 160 с.

24. Наумов, А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. - М.: Юрид. лит. 2004. - 715 с.

25. Панченко, П.Н. Стадии совершения преступления: лекция / П.Н. Панченко. - Н. Новгород, 1995. - 42 с.

26. Ревин, М.П. Преступления по степени их завершенности / М.П. Ревин. - М.: Юрлитин-форм, 2006. - 314 с.

27. Современное уголовное право. Общая и особенная части / под ред. А.В. Наумова. - М.: Илекса, 2017. - 675 с.

28. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина. - М., 2003. - 627 с.

III. Научные публикации и статьи в иных периодических изданиях

29. Анисимов, А.А. Неоконченное преступление в уголовном праве Израиля / А.А. Анисимов // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. - 2015. - № 1. - С. 15-21.

30. Ахметшин, М.Х. Новое уголовное законодательство КНР: вопросы Общей части / М.Х. Ахметшин, Н.Х. Ахметшин // Государство и право. - 1988. - № 10. - С. 7-15.

31. Белоцерковский, С.Д. Направления оптимизации уголовного законодательства в контексте оптимизации системы правового регулирования борьбы с организованной преступностью / С.Д. Белоцерковский // Lex russica. - 2018. - № 1. - С. 126-143.

32. Велиев, С.А. Индивидуализация уголовного наказания / С.А. Велиев // Законность. - 2014. - № 2. - С. 16-20.

33. Воронин, В.Н. Критерии индивидуализации наказания за неоконченное преступление (ч. 1 ст. 66 УК РФ) / В.Н. Воронин // Адвокат. - 2016. - № 9. - С. 44-48.

34. Грузинская, Е.И. Уголовное законодательство отдельных зарубежных стран о неоконченном преступлении / Е.И. Грузинская // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. - 2015. - № 1. - С. 57-62.
35. Дао Чи Ук. Уголовный кодекс СРВ 1999 г.: Особенности и основное содержание / Дао Чи Ук // Государство и право. - 2000. - № 10. - С. 105-110.
36. Дрыженко, Д.Б. Приготовление к преступлению стадией преступления не является / Д.Б. Дрыженко, И.П. Семченков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2014. - № 4(38). - С. 14-18.
37. Зацепин, А.М. Дополнительная квалификация приготовления к преступлению / А.М. Зацепин // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - № 3. - С. 88-92.
38. Иванов, В.Д. Понятие и виды стадий преступной деятельности / В.Д. Иванов // Правоведение. - 1992. - № 6. - С. 88-95.
39. Иванов, Н.А. Преступление и наказание в странах Юго-Восточной Азии / Н.А. Иванов, А.Г. Корчагин // Правоведение. - 2000. - № 2. - С. 195-198.
40. Кузнецова, Н.Ф. Реформа уголовного законодательства Китая / Н.Ф. Кузнецова, Хуэлиньц // Вестник Моск. ун-та. - Серия II. Право. - 1998. - № 4. - С. 65-76.
41. Некрасов, В.Н. Нормы о неоконченном преступлении в уголовном законодательстве Республики Беларусь / В.Н. Некрасов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2016. - № 1. - С. 161-166.
42. Николаева, О.Н. Назначение наказания за неоконченное преступление / О.Н. Николаева // Вестник Удмуртского университета. - Серия «Экономика и право». - 2015. - № 2. - С. 89-93.

43. Ревин, М.П. Понятие оконченного и неоконченного преступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации / М.П. Ревин // Правоведение. - 1997. - № 1. - С. 117-122.

44. Серебренникова, А.В. Уголовный кодекс Швейцарии: основные черты книги первой / А.В. Серебренникова // Вестник Моск. ун-та. - Серия II. Право. - 1997. - № 6. - С.56-61.

45. Ситникова, А.И. Глава «Неоконченное преступление» УК РФ и ее законодательно-текстологическое обоснование / А.И. Ситникова // Lex russica. - 2015. - № 11. - С. 83-95.

46. Соловьев, О.Г. Опыт законодательной регламентации ответственности за экономические преступления в УК Техаса (США) / О.Г. Соловьев, А.С. Грибов // Российский следователь. - 2008. - № 24. - С. 39-43.

47. Узденов Р.М. Уголовно-правовая регламентация стадий неоконченного преступления в советском законодательстве // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. С. 2-39.

48. Шибанова, Е.В. Роль Верховного Суда РФ в нивелировании пробелов законодательной техники УК РФ и УПК РФ / Е.В. Шибанова // Российская юстиция. - 2014. - № 10. - С. 47-50.

49. Яни, П.С. Квалификация угона / П.С. Яни // Законность. - 2017. - № 10. - С. 37-41.

50. Яни, П.С. Конец преступления / П.С. Яни // Законность. - 2016. - № 10. - С. 45-51.

51. Яценко, К.К. Особенности неоконченного преступления в УК Голландии / К.К. Яценко // Следователь. - 2003. - № 2. - С. 23-28.

IV. Авторефераты и диссертации

52. Поротиков, Д.Ю. Неоконченное преступление: теоретические модели, законодательные конструкции и проблемы их применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.Ю. Поротиков. - М., 2007. - 296 с.

53. Ситникова, А.И. Неоконченное преступление и его виды : дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Ситникова. - М., 2001. - 190 с.

54. Тедеев, К.Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов : дис. ... канд. юрид. наук / К.Т. Тедеев. - М., 2005. - 324 с.

55. Чернокозинская, С.В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание : дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Чернокозинская. - Саратов, 2005. - 288 с.

V. Материалы судебной практики

56. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забиров Юрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 8, частью первой статьи 30, частью третьей статьи 33, пунктами «з», «к» части второй статьи 105, статьями 111 и 126 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1450-О // СПС «КонсультантПлюс».

57. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ступникова Вадима Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьями 29 и 30 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2164-О // СПС «КонсультантПлюс».

58. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зверева Алексея Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 30 и пунктом «г» части третьей статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 № 408-О // СПС «КонсультантПлюс».

59. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации : Опре-

деление Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1464-О // СПС «КонсультантПлюс».

60. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Бондарь Лидии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьей 146 и частью седьмой статьи 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 № 573-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

61. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитина Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1187-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

62. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2018. - № 2.

63. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2016. - № 2.

64. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2013. - № 9.

65. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2012. - № 4.

66. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: По-

становление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2009. - № 2.

67. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 01.11.2000 № 251п2000 // СПС «КонсультантПлюс».

68. Определение Верховного Суда РФ от 05.07.2018 № 5-УД18-85 // СПС «КонсультантПлюс».

69. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 06.02.2018 № 201-АПУ18-1 // СПС «КонсультантПлюс».

70. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Белгородского областного суда от 2 ноября 2011 г. - URL: <https://rospravosudie.com/court-belgorodskij-oblastnoj-sud-belgorodskaya-oblast-s/act-103773699/>.

71. Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 20 октября 2010 г. по делу N 1-782/10. - URL: <https://rospravosudie.com/court-orexovo-zuevskij-gorodskoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-102020479/>.

72. Приговор Семикаракорского районного суда Ростовской области от 19 октября 2011 г. по делу № 1-52/2011 г. - URL: <https://rospravosudie.com/court-semikarakorskij-rajonnyj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-100931992//>